

Российская академия наук
Физический институт им. П.Н. Лебедева

Михаил РОМОДАНОВ
ДЕВУШКА ИЗ ЗАОЗЕРЬЯ

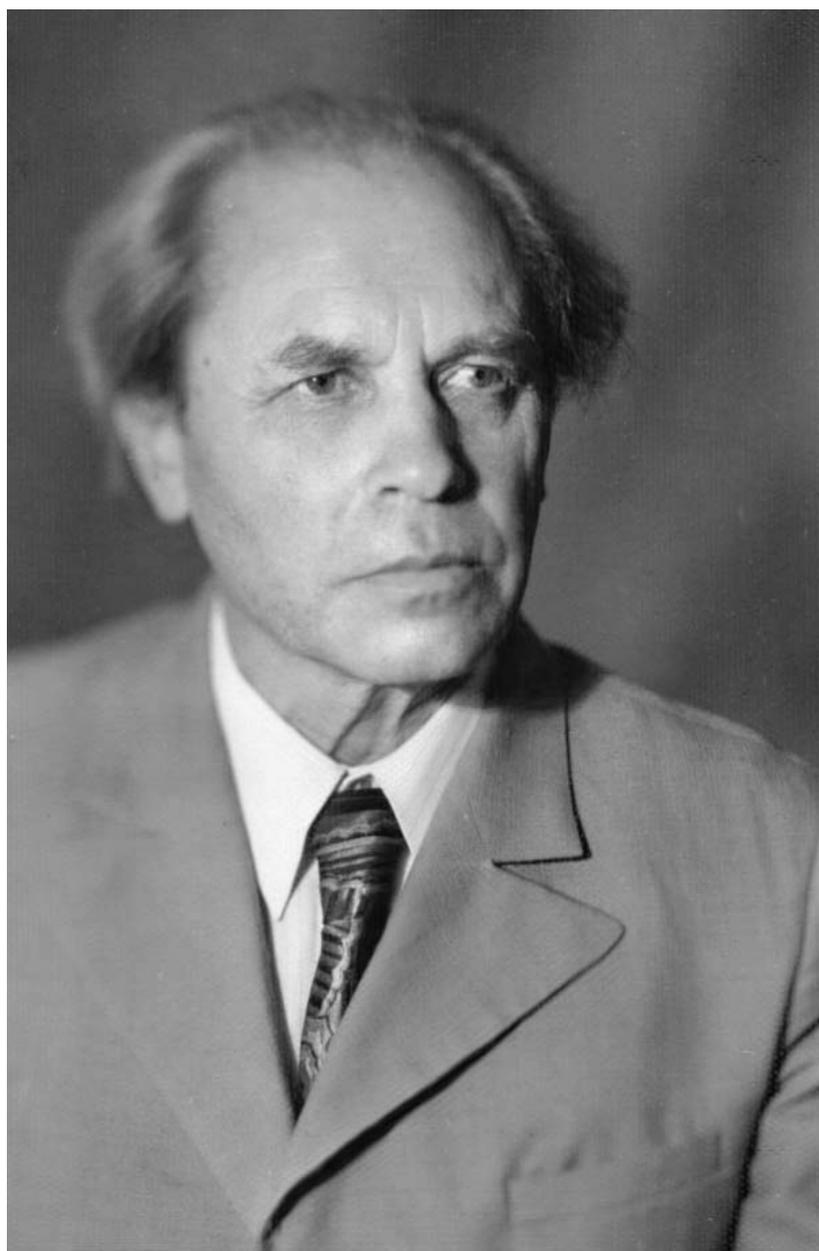
Москва 2015

Михаил Ромоданов
Девушка из Заозерья

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	10
ГЛАВА III	15
ГЛАВА IV	21
ГЛАВА V	26
ГЛАВА VI	33
ГЛАВА VII	38
ГЛАВА VIII	43
ГЛАВА IX	49
ГЛАВА X	52
ГЛАВА XI	58
ГЛАВА XII	64
ГЛАВА XIII	69

© ФИАН
© Н.Н. Сущинская
© Е.М. Сущинская

Михаил Ромоданов — литературный псевдоним одного из ведущих ученых Физического института им. П.Н. Лебедева **Михаила Михайловича Сущинского**, который он образывал, видимо, по названию села Ромоданово неподалеку от Казани, где он родился в 1912 году. Всю войну Михаил Михайлович прослужил в артиллерии в боевых частях в составе Калининского и Второго Прибалтийского фронтов. Награжден орденом «Красной звезды» и медалью «За победу над Германией».

Записанных воспоминаний в прямом смысле этого слова о войне М.М. Сущинский не оставил, да практически и не рассказывал о своей фронтовой жизни даже при общении с ближайшими сотрудниками. Впечатления о войне вылились в написанные рассказы и небольшую повесть. Они подготовлены к печати и подписаны Михаилом Михайловичем, но при его жизни нигде не публиковались, хотя по пометкам на документах можно сделать вывод, что он думал о публикации. Впервые отрывок одного из рассказов («Третий орден») был предоставлен им в стенгазету Оптической лаборатории ФИАН к 40-летию Победы, что явилось сенсацией для сотрудников, проработавших с ним долгие годы.

Материалы хранились в семье Михаила Михайловича и были любезно предоставлены для печати его женой и дочерью. Четыре рассказа были изданы в ФИАНе к 60-летию Победы и имели в институте большой успех. В настоящем издании впервые публикуется небольшая повесть «Девушка из Заозерья», где так же, как и в рассказах биография главного героя во многом совпадает с биографией Михаила Михайловича, хотя представляется, тем не менее, что этот образ более обобщенный. Это же, видимо можно сказать и об описанных событиях.

Сущинский Михаил Михайлович (1912–2001), заслуженный деятель науки, доктор физико-математических наук, профессор, крупнейший специалист в области физической оптики, молекулярной спектроскопии, нелинейной оптики. Научную работу начал перед войной в аспирантуре под руководством академика Г.С. Ландсберга. После Победы вернулся в ФИАН. В 1965–1983 гг. — заведующий Оптической лабораторией Института, в течение длительного времени — заведующий Кафедрой общей физики Московского института тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова.

Работы М.М. Сущинского по комбинационному рассеянию света внесли общепризнанный вклад в развитие этого направления. Среди полученных результатов следует отметить открытие новых квазичастиц в кристаллах — колебательных биекситонов, обнаружение нового эффекта — поляритонного резонанса Ферми, исследование поведения «мягких мод».

М.М. Сущинский одним из первых начал исследования в области нелинейной оптики. Под его руководством были выполнены работы, в которых впервые было обнаружено и подробно исследовано вынужденное комбинационное рассеяние света в дисперсных средах, детально исследованы процессы перехода спонтанного комбинационного рассеяния света в вынужденное, законы формирования вынужденного комбинационного рассеяния в конденсированной фазе вещества, его энергетические, временные, пространственные и спектральные характеристики.

В течение многих лет М. М. Сущинский являлся членом Научных советов РАН по проблемам «Спектроскопия атомов и молекул» и «Когерентная и нелинейная оптика», заместителем главного редактора одного из основных физических журналов — «Журнала экспериментальной и теоретической физики». В 1969 г. была издана монография М.М. Сущинского «Спектры комбинационного рассеяния молекул и кристаллов», пользующаяся большой популярностью как в России, так и за рубежом.

ГЛАВА I

Две недели мартовское солнце с утра до вечера грело потемневшие поля, сгоя снег с высоток и бугорков, растапливая хрупкий ледяной покров промёрзших за ночь тропинок. Грязные ручейки, весело журча, устремлялись в казавшиеся бездонными лужи, словно хотели затопить превратившуюся в вязкую трясиину землю. В напоенном синевой воздухе столбом поднимались потоки, играя пляшущими в них ярко блестящими пылинками, и что-то слабо переливалось и звенело. Ещё совсем недавно припудренные снегом окопы обнажились, представ в своём неприглядном облики, словно неожиданные морщинки, проступившие на лице увядающей модели, забывшей приукрасить свою дряхлеющую красоту.

Последнее время, особенно вечером и ночью, противник проявлял повышенную активность. Бесперывно строчили пулемёты, трассирующие пули, прочертив плавные траектории, роем падающих звёздочек угасали в сизой мгле. Ухали тяжёлые миномёты. Над нейтральной полосой зависали осветительные ракеты. Где-то на левом фланге развернулось большое артиллерийское сражение; отсветы далёкого пламени багровыми языками лизали облака над горизонтом, но лишь спустя долгое время доходил глухой гул выстрела. Очевидно, немцы сидели в своих окопах в ожидании удара и на нашем участке фронта, но мы отвечали вяло; поднятая ими шумиха нас мало беспокоила. К тому же был приказ экономить снаряды и патроны.

Но сегодня утром было непривычно тихо. Вместо надоевшего стрекотания пулемётов издали доносились крики грачей, обновлявших свои гнезда на голых деревьях. Стоять ранним утром в жидкой грязи, покрывавшей дно окопа и смотреть в стереотрубу на глинистые проплешины, обозначающие огневые точки противника, было смертельно скучно. Поэтому я обрадовался, словно получив письмо от родных, когда связист Воронов подозвал меня к полевому телефону.

– Что-то происходит, товарищ лейтенант, – фамильярно обратился он ко мне. – Похоже, будем сниматься с этого места.

По тёмному, огрубелому от солнца и ветра лицу Воронова пробежала довольная улыбка, обнажившая крепкие жёлтые зубы. В свои сорок с лишним лет, умудрённый опытом трёх лет войны, он нетерпеливо жаждал перемен, словно молодой новобранец, который тяготится монотонным течением фронтовой жизни и радуется любому изменению обстановки, хотя бы оно не сулило ему ничего утешительного.

Держа по обязанности своей службы все время возле уха трубку телефона, Воронов невольно слышал по общей сети самые разнообразные, иногда интимные разговоры и был прекрасно информирован о всех новостях. Он охотно делился со мной своими соображениями, подчас забавными и неожиданными, о причинах и следствиях событий, потрясавших замкнутую жизнь нашего Отдельного артиллерийского дивизиона.

– Михаил Михайлович, – раздался в трубке рокочущий басок командира батареи капитана Калашникова, – предстоит смена позиции. По сведениям нашей разведки неприятель начал отступление. Наша задача – не дать ему оторваться и спокойно уйти на заранее подготовленные рубежи. Отправляйтесь сейчас же на огневую позицию и подготовьте орудия к маршу!

Капитан Калашников, несмотря на большую разницу в возрасте, был моим близким другом. Мы оба были выпускниками Московского университета, это сближало нас и давало повод для бесконечных разговоров и воспоминаний. Он был плохо приспособлен к фронтовой жизни. В его голосе очень глухо звучали командирские нотки, когда он разговаривал с подчинёнными и самое непростительное – он в глубине души считал излишним добиваться неукоснительного выполнения своих приказов. Он сохранил страсть к математике и носил в своей полевой сумке потрёпанную книгу из весьма трудной и абстрактной области – теории групп, в которую заглядывал в самые неподходящие моменты. Одетый в новую, но мешковато на нём сидевшую шинель и стоптанные сапоги, в большой шапке-ушанке, сползавшей ему на глаза, капитан плохо вписывался в образ храброго артиллериста – командира батареи. Даже величественные черные усы с загнутыми вверх кончиками его не спасали. Подсмеиваясь, я говорил, что усы придают ему сходство с добродушным старым котом, потерявшим охоту ловить мышей. Мой друг досадливо отмахивался: втайне он гордился своими усами и тщательно за ними ухаживал.

Нашего командира батареи выручала способность моментально проводить в уме сложные вычисления. При стрельбе с закрытой позиции, когда необходимо быстро подсчитать исходные данные и потом корректировать огонь батареи, капитан Калашников превосходил лучших кадровых офицеров. Притом – нужно отдать ему должное, – он был весьма заботливым начальником, всегда помнившим об опасностях, подстерегавших его подчинённых на полях войны. В трудных положениях он, случалось, находил неожиданный и оригинальный выход. Сочетание этих разнородных достоинств оказалось очень удачным: и сам капитан Калашников, и наша батарея были на хорошем счету. Командир дивизиона, пожилой уже майор, легко прощал моему начальнику мелкие грехи и отсутствие командирской выправки. Спасая и его и себя от неприятностей, он строго приказал всем офицерам дивизиона при появлении постороннего начальства предупреждать об этом Калашникова, чтобы тот мог отсидеться на НП или огневой позиции пока опасность нарваться на язвительное замечание не пройдёт.

Все огневое хозяйство батареи фактически лежало на мне – командире огневого взвода. Поэтому, услышав приказ о скором выступлении, я сразу забеспокоился:

– Виктор Алексеевич, как мы потянем наши пушки и тяжёлые повозки со снарядами и всем прочим по бездорожью, тем более при начавшейся распутице? Учтите ещё, что у нас лошадей гораздо меньше, чем следует по норме.

– Как всегда, бойцы будут помогать лошадям, – невозмутимо возразил капитан.
– Не ждать же нам здесь пока установится хорошая дорога!

Довод был неотразим, и я отправился на огневую. Здесь уже все было в движении: орудия вытянули с огневых площадок на ровное место и установили на передки,

связь поспешно сматывали, укладывали весь батарейный скарб на повозки. Командовал сборами старшина Ковалёв, молодой, но опытный и предприимчивый парень, бледнолицый, со светло-рыжими бровями и маленькими бесцветными, но очень хитрыми глазками. Мы с ним давно сработались и понимали друг друга с полуслова.

– Поезжай-ка ты в тыл и получи продукты, а я здесь один справлюсь, – сказал я ему.

– На сколько дней требовать? – оживился старшина.

– Не дней, а недель, – поправил я его, – минимум на две недели. Иначе будем сидеть в какой-нибудь дыре, и щелкать зубами от голода.

– Вас понял, будет сделано, – отковырял старшина.

Вскоре появился капитан Калашников в сопровождении Нестерова, недавно прибывшего к нам из училища командира взвода управления. В противоположность капитану, который бесцеремонно шлёпал по грязи и лужам, его спутник старательно выбирал дорогу, оберегая свои новенькие сапоги. Серёжа Нестеров был ещё очень молод. Румяный, курносый, с толстыми губами – если бы не шинель с полевыми погонами, то его можно было бы принять за мальчишку. Чувствуя за собой недостаток солидности, Нестеров тщательно следил за внешностью, стараясь в любом положении показать образцовую выправку.

– Наш дивизион будет двигаться двумя колоннами, – объявил капитан. – Командир дивизиона поедет с первой батареей, а при нашей батарее будут находиться начальник штаба и замполит. Мы должны возможно быстрее добраться до деревни Заозерье и там ждать дальнейших распоряжений.

Он развернул карту и мы стали изучать маршрут. Утешительного было мало: по прямой до назначенного нам пункта было километров двенадцать, но дорога казалась очень извилистой, петля между болотами и оврагами. Само Заозерье представляло собой большую деревню, раскинувшуюся на холмах по берегу серповидного озера. На карте его название обозначено не было.

– Места глухие и вряд ли здесь немцы подготовили нам много пакостей, – пожевав губами резюмировал капитан, – Маршрут первой батареи, если судить по карте, выглядит более привлекательным, но конечно все мосты окажутся взорванными отступающими немцами и много времени уйдёт на очистку дороги от мин. Поэтому не будем завидовать им, а разведаем свою дорогу. Младший лейтенант Нестеров, – обратился он к своему спутнику. – Забирайте разведчиков и двух сапёров и обследуйте ближайший участок. – Капитан показал его на карте.

Нестеров покраснел от удовольствия, что ему поручено столь ответственное дело и отправился выполнять приказание. А я мысленно отметил несомненный прогресс в поведении моего ученого друга, который наконец-то начал усваивать командирский тон, ни разу не сказав «пожалуйста». Желая поощрить его, я сугубо официально доложил, что послал старшину за продуктами на две недели.

– Голубчик, вы сделали как раз то, что нужно. О продовольствии я совсем забыл!

– Виктор Алексеевич, вы неисправимы! Только что я любовался тем, как вы толково и действительно по-командирски отправили Нестерова на разведку. А теперь вы называете меня голубчиком! Капитан расхохотался:

– Хватит вам меня воспитывать, все равно ничего не получится, – заявил он.

Нестеров со своей группой быстро вернулся. По направлению к просёлочной дороге, ведущей в Заозерье, им встретился длинный и глубокий овраг, заполненный водой. Перевезти через него пушки представлялось невозможным.

Калашников задумался:

– Такие преграды нам все время будут попадаться на пути. Нужно решить вопрос кардинально: давайте соорудим плот, способный выдержать пушку. Повезём этот плот с собой и будем пускать в ход на всех переправах.

– Плот – это хорошо, – сказал старший из сапёров, коренастый и крепкий сибиряк Костин. – Мы на плотях через реку целую дивизию переправляли.

– Материалу тут кругом, сколько хочешь, – добавил второй сапёр, длинный и тощий Абрамов, молодой парень с сильно выступавшим кадыком. – Вон в блиндажах и землянках сколько брёвен и досок – бери сколько хочешь, они же теперь не нужны.

Мы с капитаном быстро скомплектовали рабочую группу для постройки плота. Решили пустить в ход строевой материал из находившегося неподалёку штабного блиндажа – солидного сооружения с тремя накатами брёвен, обшитого изнутри прекрасными толстыми досками. Работа закипела и скоро плот был готов. Его зацепили одним концом за передок орудия и волоком потащили к оврагу.

В разгар нашей работы появился начальник штаба дивизиона старший лейтенант Каликин – хозяин блиндажа, от которого остались глубокая чёрная яма и несколько куч мусора. Он был неприятно поражён тем, что насиженное им гнездо оказалось разорённым. Его лицо от гнева посерело. Он выпятил вперёд тощую грудь и, обращая ко мне, разразился бранью. По-видимому, он считал именно меня основным виновником учинённого погрома и подозревал, что я с заранее обдуманным намерением совершил это преступление.

– Я вас за самоуправство под суд отдам, – заключил он свою обвинительную речь. – А если пропадут документы с грифом «секретно», то знайте – вас по головке не погладят!

– Лейтенант Новиков ни в чем не виноват, – смущённо, но достаточно внятно заступился за меня Калашников. – Сооружение плота началось и проводилось по моему приказанию. А все документы писарь Веников сложил в чемодан и вместе с вашими личными вещами перенёс в мою землянку.

– Вы что же, собираетесь на этом плоту пересечь Каспийское море? – саркастически спросил Каликин, скривив тонкие губы. Узнав, что его документы и вещи целы, он немного успокоился.

– Плот будет всё время необходим на нашем марше. Вы скоро в этом убедитесь, ведь вы будете следовать с моей батареей. Пойдёмте, я вам покажу, что без плота мы с места не сможем сдвинуться!

Они ушли по направлению к оврагу. Я мысленно отметил мужество, проявленное тихоней Калашниковым, принявшим на себя удар, адресованный мне. Поведение Каликина меня не удивило: он не отличался сдержанностью в обращении с подчинёнными. У него вошло в привычку грубо придирается по пустякам – он называл это требовательностью начальника и ставил себе в заслугу. Впрочем, ко мне

он относился не так уж плохо. Уступая потребности излить свою душу, он иногда даже снисходил до откровенных разговоров, сетуя на плохое здоровье и на неудачи карьеры: он очень болезненно воспринимал всякое продвижение по службе и боевые награды других знакомых ему офицеров.

Внешность Каликина была невзрачная. Среднего роста, очень худой, с желтоватым лицом и заострённым носом – он вполне оправдывал прозвище Кашея Бесмертного, которым его наградили в дивизионе. Чтобы быть объективным, нужно заметить, что он был неплохим штабистом. Вся документация в дивизионе благодаря его стараниям была в полном порядке.

Мне не терпелось посмотреть, как пойдёт переправа и я отправился к оврагу, хотя по правде говоря, побаивался снова попасться на глаза Каликину. Плот уже был спущен на воду, по нему перебрались несколько бойцов с лопатами и быстро выровняли подъём на другую сторону оврага. Сначала на плот втащили повозку со снарядами и благополучно переправили её. Вслед за тем была спущена одна из пушек. Плот выдержал её тяжесть, лишь слегка покрывшись водой сбоку из-за неравномерной нагрузки.

Постепенно все наши пушки и тяжёлые повозки были переправлены через овраг. Тем временем начало смеркаться. Командир батареи, посоветовавшись с Каликиным решил, что нет надобности ночевать в открытом поле и, выставив охрану, разрешил всем вернуться в старые обжитые блиндажи.

Я был рад снова попасть в своё убежище – низенькую землянку, в которой более трёх месяцев прожил вместе с Вороновым. В ней была маленькая железная печка и грубо сколоченный стол. Вдоль стены в глубине землянки, подальше от входа, тянулись широкие нары, покрытые сеном. Воронов зажёл коптилку, сделанную из гильзы снаряда, и растопил печурку. Стало тепло и уютно.

– Кто-то идёт к нам, – сказал Воронов, прислушиваясь к звуку приближавшихся шагов. Действительно, закрывавшая вход в землянку плащ-палатка отдёргнулась, и к нам ввалились Нестеров с небольшим вещевым мешком и замполит дивизиона капитан Немыцкий с чемоданом и гитарой в брезентовом чехле. В начале войны Валериан Павлович Немыцкий был лётчиком, в воздушном бою был тяжело ранен и когда выяснилось, что он не может более летать, закончил специальные курсы политработников. Весёлый и жизнерадостный, Немыцкий никогда не унывал, любил поесть и выпить и, несмотря на свою молодость, имел уже заметное брюшко. За время службы в нашем дивизионе он отрастил пушистые усы, своим темно-рыжим цветом прекрасно гармонизировавшие с такими же рыжими раскидистыми бровями, нависавшими на яркие голубые глаза. И солдаты, и офицеры любили его политбеседы, которые он проводил с блеском, оживляя их шутками и примерами из своей жизни, впрочем, кажется, в большинстве случаев вымышленными. Я любил слушать его рассказы о воздушных боях, которые он сопровождал замысловатыми движениями ладоней, пояснявшими манёвры. Признаться, понимал я далеко не все: видно, чтобы понять лётчика нужно самому быть лётчиком. Незаметно у нас с Немыцким установились простые дружеские отношения.

Имея всегда под рукой радиоприёмник, Немыцкий не только был в курсе всех

событий, но и запоминал все новые лирические и военно-патриотические песни – музыкальная память у него была очень цепкая. После политинформаций он охотно разучивал с бойцами эти новые песни.

Спустившись в землянку, Нестеров, немного заикаясь, заявил:

– Кашей выселил меня с моего законного места в блиндаже командира батареи.

И вот, я пришёл к вам с просьбой приютить несчастного беспризорника.

– И я тоже, – добавил Немыцкий.

– Усаживайтесь и грейтесь, – обрадовавшись случаю весело провести вечер приветствовал я друзей.

Дневальный заглянул в землянку и объявил, что ужин готов. Воронов забрал котелки и вскоре мы с аппетитом голодной собаки уплетали нечто среднее между супом и кашей – горячее и очень вкусное. На этом пиршество не кончилось. Вездесущий старшина, быстро оценив обстановку, решил присоединиться к тёплой компании, собравшейся в моей землянке. Он захватил с собой объёмистую флягу жидкости, предназначавшейся для раздачи уставных порций по сто граммов, а также печенье и пачку чая. Воронов тут же заварил его в жестяном чайнике, кипевшем на печке, добавив порцию каких-то душистых трав.

В землянке стало настолько жарко, что пришлось снять шинели. Сытый и довольный Немыцкий достал гитару и, аккомпанируя себе, затянул «Тёмную ночь». Мы подтягивали ему кто как мог – нестройно, но с большим старанием, а главное с чувством и очень громко. Давно не было у нас такого спокойного и весёлого вечера!

На улице похолодало. Озорная позёмка металась по полям, стремилась прорваться в землянку, наметая через щель под плащ-палаткой горку хрустящего снега. Нам все было нипочём: мы были молоды, крепки душой и телом. Мы знали, что впереди нас ждут суровые испытания, но сквозь тёмные, обгаренные заревом войны тучи над нашими головами уже пробивались – слабые ещё – лучи приближающейся победы.

ГЛАВА II

Подъем в шесть часов, что может быть неприятнее!

Выбравшись из тёплой землянки, я попал под порывы студёного ветра, ледящего щеки и хитроумно забиравшего под шинелью до середины спины. Над притихшими полями стлалась серая мгла. Поминутно скрываясь за клочками быстро летящих по небу черных туч подмигивала мне позолоченная звёздочка. Наша батарея собралась понемногу возле пушек и повозок, закончились последние сборы, колонна выстроилась и мы тронулись в путь. По основательно промёрзшей за ночь земле катить пушки было легко. Лошади бодро пофыркивали, помогать им почти не приходилось.

Мы выбрались на слабо обозначенную просёлочную дорогу. Как оброненная рассеянной девушкой ленточка, петляла она по заснеженным голубым полям. Занесённая местами снегом, то взбегающая на слабо выраженные высотки, то спускающаяся в пологие низинки, дорога звала нас пройти по ней в неведомый край – Заозе-

рье, раскинувшийся по необозримым просторам между многочисленными реками, озёрами и болотами. Может быть, именно там ждёт меня неожиданное счастье...

– Михаил Михайлович, – прервал моё сонно-мечтательное настроение голос Калашникова. – Возьмите сапёров и разведчиков и пройдите вперёд. На дороге могут быть мины, надо соблюдать осторожность!

Ко мне подошёл Нестеров, который получил такое же приказание.

– Какие тут могут быть мины? Уверен, что немцы сюда и не заглядывали, – с апломбом зелёной юности заявил он. Внутренне я с ним был согласен, но выполнять приказ нужно. Наша группа выдвинулась на несколько сот метров вперёд от медленно тянущейся колонны. Костин и Абрамов с миноискателями начали прощупывать все подозрительные места. Мы с Нестеровым, перебрасываясь шутивными репликами, следовали за ними.

Неожиданно Костин остановился и поднял руку:

– Товарищ лейтенант, мины!

Я подошёл ближе. Над промёрзшей корочкой снега высунулись, словно щупальца ядовитого насекомого, усики и какие-то проволочки. Абрамов лёг на землю и быстро разгрёб снег, освобождая от него корпус мины. Длинными худыми пальцами он осторожно, но уверенно вывинтил взрыватель, затем поддел лопатой безобидный с виду ящик, извлёк его на поверхность и положил на обочину дороги.

Оказывается, мы попали на минное поле! Костин и Абрамов продолжали своё дело, очищая дорогу, горка обезвреженных мин росла. Нагнавшая нас колонна остановилась и, пользуясь удобным случаем, старшина объявил завтрак. У походной кухни выстроилась очередь бойцов с котелками. Потом начался общий перекур.

Окончив свою работу, Костин и Абрамов уложили все мины на одну из повозок и объявили, что можно двигаться дальше.

– Зачем вам эта дрянь, барахольщики старые, – недовольно заворчал старшина, увидев лишний груз на повозке.

– Пригодятся, товарищ старшина, – твёрдо возразил ему Костин. – На войне без мин, как и без сапёров, шагу ступить нельзя!

– Очень уж много понимать стали о себе, полководцы от лопаты! – Старшина с недовольным видом махнул рукой и побежал в голову колонны.

Колонна в прежнем порядке двинулась вперёд. Местность начала понижаться, дорогу в нескольких местах пересекали глубокие канавы. Пользуясь плотом как мостиком, мы преодолели их без труда. Но вот мы подошли к реке, затерявшейся под снегом между низкими берегами. Когда-то через неё был перекинут мост, теперь от него остались только накренившиеся черные сваи. Тёмный лёд на реке был вспучен, между берегом и массивом льда бежала вода, заливая его края.

К нашей группе подошли командир батареи и старшина с длинным шестом. Опустив его в воду под лёд, старшина громко выругался.

– Здесь глубина метра полтора будет, нам не переехать, – заявил он.

– А если положить плот одним концом на берег, другим на лёд? Может быть, удастся переправиться? – Калашников обескуражено потёр переносицу.

– Лёд не надёжный, потопим мы пушки, – возразил Костин. – Давайте лучше

взорвём лёд, освободим от него реку и переправимся на плоту. Вот мины и пригодились, – хитро подмигнул он старшине.

Пришлось согласиться с этим планом, хотя он и сулил нам большую задержку во времени. Абрамов перепрыгнул на лёд, разложил на нём мины, установил на место взрыватель. Затем он соединил всю систему какими-то бечёвками, протянул длинную верёвку к берегу и мы все отошли на приличное расстояние от реки.

– Можно взрывать? – спросил он.

Калашников утвердительно кивнул головой. Абрамов дёрнул за верёвку. Огромный столб воды и битого льда поднялся в воздух. Тёмная полоса воды, на которой крутились как бешеные глыбы льда, протянулась от берега к берегу.

Ширина реки здесь была более двадцати метров. Плот опустили на воду, старшина и несколько бойцов встали на него и, отталкиваясь шестами, благополучно переправились на другую сторону. С помощью верёвок плот стали подтягивать то к одному берегу, то к другому, переправляя на нём лошадей, повозки, а потом и пушки.

Все шло хорошо, пока в дело не вмешался Каликин. Ему надоело сидеть, нахохлившись на штабной повозке, он подошёл к реке и с недовольным лицом стал давать указания, стараясь ускорить работу.

– Быстрее, быстрее, – начал он покрикивать на бойцов, осторожно спускавших пушку к воде. – Не сидеть же нам здесь до ночи! Наши войска форсируют и не такие препятствия, как эта паршивая речушка, да к тому же они действуют под огнём неприятеля, а вас здесь никто не обстреливает.

Пушку по доскам вкатили на плот и начали закреплять колеса, чтобы она не скатилась по скользким доскам.

– Чего вы там копаетесь! Давай живее, – закричал нетерпеливо Каликин. Видно, он здорово озяб и хотел избытком деятельности поднять своё настроение.

Плот потянули, и он быстро заскользил по реке. У противоположного берега, где его ждала группа бойцов во главе с командиром орудия сержантом Стрекаловым, плот слегка стукнулся о ледяную кромку, накренился, и пушка начала медленно сползать с него. Все это окончилось бы очень плохо, если бы Стрекалов мгновенно не прыгнул в воду, доходившую ему до пояса, и не подложил под колеса доску. Дружными усилиями пушка была вытащена на берег.

– Молодец Стрекалов! – похвалил Калашников измокшего героя. – Старшина, выдайте ему сверх очередную порцию согревающего, – распорядился он.

Старшина достал заветную флягу.

– Сколько тебе нацедить? – осведомился он, смотря то на Стрекалова, то на стакан, в который медленно переливалась желтоватая жидкость.

Сто грамм мало, а двести много. Давай два раза по сто пятьдесят, – не растерялся Стрекалов.

Все кругом захохотали, даже Каликин улыбнулся. Ему наверно было неловко – ведь он оказался в смешном положении перед подчинёнными. Больше он не пытался ускорить переправу.

Подошла очередь последнего по счету – первого орудия. Командир его, старший сержант Григорьев славился у нас как бывалый и расторопный артиллерист. Он

и теперь подтвердил свою репутацию, быстро и толково переправив пушку через реку. Последним рейсом отправились мы с Немыцким. Плот, служивший нам верой и правдой в течение всего дня, вытащили на берег и дружными усилиями полутора десятков бойцов подняли на одну из повозок.

Калашников с Нестеровым и сапёрами отправились в голову колонны, оставив меня с Немыцким в аррьергарде. Рядом с нами шагал за своей пушкой Григорьев. Его широкое тёмное лицо, покрытое буграми, из которых лезли клочья седых волос, было сумрачно, длинные жилистые руки как-то беспомощно болтались не в такт шагам.

– Что не весел, Борис Васильевич? – обратился к нему Немыцкий. – Или плохие вести из дома получил?

Григорьев был по возрасту самый старший в батарее и обычно мы с Немыцким в разговорах с ним применяли вежливую форму обращения, а молодые бойцы из его орудийного расчёта фамильярно звали его «командир». Он принимал такие знаки уважения как должное.

Услышав вопрос Немыцкого, Григорьев искоса посмотрел на него и замедлил шаг, так что мы отстали немного от орудия.

– Голодно им там в тылу и работа тяжёлая, – произнёс он наконец. – Видно, только и живут надеждой, что война скоро кончится.

– Расскажите о себе, – попросил Немыцкий, – как жили до войны, как попали на фронт, как воевали?

– Чего же там рассказывать, – неохотно отозвался Григорьев. – Наверно у меня судьба сложилась также как у многих других...

Помолчав немного, Григорьев все же начал:

– До войны работал я слесарем в Мытищах, на механическом заводе, может слышали – есть такой городок под Москвой. Ничего жили, с женой был дружен, двое ребят подрастали. Аккурат через неделю после объявления войны получаю я повестку: явиться в Райвоенкомат. Утром провожает меня жена, думали тут же заберут, да не так скоро вышло. На первый раз записали только мою специальность воинскую – я, когда в Красной Армии служил, то был артиллеристом-наводчиком. Через два дня велели явиться с вещами. Провёл я эти два дня как во сне. А жена легко меня провожала.

«У меня, – говорит, – есть предчувствие, что война скоро кончится, и ты здоровый и невредимый вернёшься домой». Вот тебе и предчувствие!

Григорьев неторопливо достал кисет, свернул сигарку и закурил.

– Приехал я на сбор в городок Вышний Волочок, недалеко от Ленинграда, – продолжал Григорьев. – А туда уже много съехалось нашего брата. Военный комиссар принял нас, переписал всех, а потом отвёл в поле и говорит: «Здесь будет комплектоваться ваш артполк. Располагайтесь и ждите». А у нас с собой ни еды, ни подходящей одежды – ничего нет. Хорошо, что хоть тёплая ясная погода стояла. Натаскали мы старой соломы и сена, сидим и ждём. А народу все прибывает, командиры понаехали, лошадей пригнали, ну и с питанием дело наладилось, не обижали, кормили как положено, три раза в день. Меня один пожилой уже капитан приметил, и стали мы с ним батареею комплектовать. Только надолго это дело затянулось.

Лошадей хороших получили, но разномастных, а командиры между собой согласны были, что в каждой батарее лошадей нужно иметь своей масти, чтобы, значит, не путать их потом. Вот они и обсуждали между собой, как и что делать и из-за каждой лошади спорили с утра до вечера. Спустя недели полторы прибыло, наконец, обмундирование, одели нас, молодых командиров прислали – прямо из училища, стал наш артполк приобретать нужное обличье. Как-то ночью подняли по тревоге, посадили в эшелон и увезли. И хорошо сделали: через два дня узловую станцию Бологое, где наш эшелон долго стоял, немцы бомбили, а наш состав успел проскочить. Это, конечно, я уже потом узнал.

По дороге прицепили к нашему эшелону платформы с гаубицами и повезли на запад, а фронт уже нам навстречу ползёт: то стоим мы на станции, встречный эшелон пропускаем с ранеными, то из-под бомбёжки выскакиваем. И никто ничего не понимает: что же происходит? Командир взвода мой, молодой совсем, вроде нашего Нестерова, все хорохорился: «Скоро ли, наконец, мы вступим в бой». Вот и дождался...

Григорьев сдвинул косматые черные брови, посмотрел на бредущих за орудием бойцов и замолчал. Мы с Немыцким терпеливо ждали продолжения рассказа.

– Вот и дождались боя, – продолжал рассказчик, морщась от тяжёлых воспоминаний, как если бы у него болели зубы. – Прибыли мы на большую узловую станцию, не помню уже как она называется. Командир нашей батареи, – капитан, вместе с командиром полка пошёл к коменданту, а меня взял за связного. Приходим, так мол и так, наш полк должен по приказу командования занять оборону вдоль реки Ловать. Комендант смотрит на нас, как на диких, и сообщает, что противник эту реку форсировал несколько дней назад. «Советую вам, – говорит, – разгрузиться здесь и оборонять нашу станцию как важный стратегический узел, через который будут проходить наши отступающие части». Показал он нам на карте положение наших войск, командир полка подумал немного и дал приказ на разгрузку.

Григорьев затаился в последний раз едким табачным дымом, бросил окурок на обочину и аккуратно затоптал его сапогом, хотя в этом, по-моему, не было никакой необходимости. Он уже втянулся в свой рассказ и продолжал его более непринуждённо.

– Командир полка у нас был пожилой майор, он ещё в прошлую войну с немцами сам батареей командовал. Расставил он наши батареи по всем правилам на закрытые позиции, выбрал себе командный пункт, приказал связь тянуть. Уже вечер приближался, работаем – копаем площадки для орудий, а сами слушаем, как вдали погромыхивает что-то: ну, значит, наверно бой идёт! Вдруг получает наша батарея приказ: выдвинуть все орудия для стрельбы прямой наводкой. Оказывается, танки немецкие прорвались и надвигаются на наши позиции. Указал моему орудию командир батареи место на обочине шоссе, метров на триста ниже гребня высоты. «Ты, – говорит, – как только фашистский танк выползет на высоту, так и бей ему под брюхо». Расположились мы, снаряды приготовили и ждём. А по шоссе отступают наши войска, кто на машинах, кто на повозках, а большинство пешим порядком. Так всю ночь и шли непрерывным потоком. У нас, конечно, настроение поганое, да ничего не поделаешь: понимаем, что большая ответственность возложена на наш артполк.

Утром самолёты появились с черными крестами, бомбят станцию, на которой мы разгружались, ну и наши части на шоссе. Часам к десяти утра, жарко уже стало, команду подали: подготовиться, приближается колонна немецких танков. Вижу я в панораму – идёт впереди танк ихний с открытым люком и сидит в нем немец с расстёгнутой рубашкой, видно, жарко ему стало. Навожу я орудие в этого немца и противно мне очень – никогда раньше стрелять по живому человеку не приходилось. Ну, а потом злость взяла, дёрнул я за спусковой шнур и вклепил в передний танк что положено. А остальные танки прут нахально вперёд и стреляют по нам, сбить хотят с дороги. Только ничего у них не вышло – забросали мы их снарядами, пришлось им укрыться в лощинке. На этот раз плохо рассчитал немец: от гаубицы в лощинке не спрячешься. Наши командиры сделали расчёт, дали прицел и начали мы их колошматить.

Запросили фашисты на помощь свою авиацию. Начали нас бомбить, а мы в окопчиках отлежимся, а как пойдут в атаку – снова бьём их, гадов. Озлились очень, и страх прошел, только вот через два дня осталось нас в живых совсем мало и снаряды все вышли...

Мне не удалось дослушать рассказ Григорьева о первом артиллерийском бое, так как командир батареи вызвал меня в голову остановившейся колонны.

ГЛАВА III

Наша колонна растянулась почти на полкилометра. Вокруг темнел густой лес. Я медленно шел, обходя пушки и повозки. Притомившиеся лошади стояли понуро опустив головы, бойцы, уставшие не меньше лошадей, сидели или полулежали на обочине дороги. Проходя мимо упряжки третьего орудия, я не мог удержаться, чтобы не похлопать по крутой шее любимца всей батареи, исключительно сильного и умного коня Ваську. Он выжидательно скосил глаз в мою сторону в ожидании привычной подачки. Ездовой Строгов, молодой сибиряк мощного, под стать Ваське, телосложения, занял неожиданно писклявым голосом:

– Товарищ лейтенант, пора бы ужинать, да и передохнуть, кони то устали. И животы подводит, небось с утра не емши...

– А ты пожуй корочку хлеба, небось полегчает, – передразнил я его.

Другие ездовые захохотали.

— Он свою буханку хлеба ещё с утра умял, – радостно сообщил гортанным баском напарник голодного ездового, красивый маленький грузин Махашвили.

– Потерпи, скоро получишь свою кашу, – утешил я Строгова.

Подойдя к передней повозке, возле которой собралось все батарейное начальство, я сразу окунулся в атмосферу жаркого спора. Каликин настаивал на продолжении похода, Калашников и старшина убеждали его в необходимости ночёвки в лесу, где нет ветра и можно даже развести костры, так как налёта вражеской авиации не предвидится.

– Вот увидите, развезёт утром снова дорогу, и будем мы добираться до Заозерья ещё три дня, – мрачно бубнил Каликин. – Здесь и осталось всего восемь километ-

ров, потрудились бы немного, зато отдохнули в тёплых избах.

– А мины – вмешался я в спор. – В темноте их не заметишь, а въезд в деревню, можно думать, окажется заминированным. Помните случай с лейтенантом Шашенцевым?

Напоминание о трагической гибели командира взвода управления, предшественника Нестерова, подействовало угнетающе, все замолчали. Несколько месяцев назад во время передвижения батареи подорвалась на mine повозка, возле которой шел Шашенцев. Правившего лошадьми разведчика Миронова взрывом сбросило с повозки под копыта лошадей, но он каким-то чудом отделался лёгкими ушибами, Шашенцеву же оторвало обе ноги. После шока, вызванного взрывом, к нему на несколько секунд вернулось сознание, он увидел своё исковерканное тело и заплакал. Удивительно было, что по тому месту, где произошел взрыв, уже проехало беспрепятственно несколько пушек и повозок. – «Вот не верь после этого в судьбу» – сказал тогда Калашников, снимая фуражку перед закрытым шинелью телом погибшего.

Видно, моё замечание подействовало на Каликина.

– Делайте, как знаете, – недовольно согласился он, махнув рукой, как бы сняв с себя всякую ответственность за последствия.

Было ещё достаточно светло. Сапёры тщательно осмотрели полянку, прилегающую к дороге, и командир батареи дал команду на привал. В надвигающихся сумерках бойцы выпрягли лошадей и занялись подготовкой к ночёвке. Я разыскал Немьцкого и мы с ним присоединились к расположившемуся на утоптанном снегу с набросанными поверх еловыми ветками расчёту третьего орудия. Старшина прокричал, что можно получить ужин и на некоторое время все занялись этим важным делом.

Строгов оказался большим мастером по части костров. Он сам и ещё несколько бойцов с топорами нарубили сучьев и валежнику, с расчётом, чтобы хватило на всю ночь. На разгоравшийся костёр положили сверху несколько брёвнышек покрупнее.

– Порядок, – заявил довольным голосом Строгов, – теперь будет долго гореть.

– Ты после такой работы, небось, снова есть захочешь, – подшутил над ним Махашвили, зябко кутаясь в свою ветхую шинельку.

– Вот смеётся надо мной, товарищ лейтенант, – с наигранной обидой обратился ко мне Строгов. – Ему хорошо, он маленький и весу-то в нём килограммов пятьдесят не наберётся. Конечно, ему пайка хватает. А у меня все девяносто килограммов живого весу, а получаю я столько же. Разве это справедливо?

– Так ты хочешь, чтобы я тебе свой паек отдавал, – задиристо ответил Махашвили. – Таких правил нету.

– Вот кончится война, вернёшься домой – сразу до ста килограммов доберёшь, – отшутился я.

– По дороге домой заезжай ко мне в Грузию. Я тебя накормлю до отвала персиками. А пока терпи, – подхохотнул Махашвили.

Мы уселись вокруг костра на еловых ветках, покрытых плащ-палатками. Надвигалась ночь. Багровое зарево костров вокруг нас освещало низину леса, выхватывая из густой тьмы отдельные деревья и кусты. С хмурого неба на вершины деревьев и далее вниз сплошным потоком изливалась мгла; застаиваясь между деревьев, она

казалась плотной и вязкой. Потрескивали бойко горевшие хвойные ветки, время от времени посылая в колеблющийся над костром сизый дымок фейерверк ярких искр. За нашей спиной лошади, прикрытые попонами, пофыркивая и иногда тяжело вздыхая, доедали заданное им сено.

– Ты, между прочим, должен быть благодарен своей судьбе, что из пехоты в артиллерию попал, – обратился к Строгову авторитетным тоном командир орудия сержант Климов. Он присел на корточки, вытащил из костра тлеющую ветку и прикурил от неё сигарку. Вспыхнувшее пламя осветило его тяжёлую плечистую фигуру и суровое лицо с нависшими кустистыми бровями. – Раз попал в нашу артиллерийскую команду – надо о службе думать, между прочим, а не о пайке.

– А я вам прямо скажу, товарищ сержант, неправильно вы о пехоте понимаете, – обиженный общими нападками своим тонким голоском заверещал Строгов. – В пехоте служба, можно сказать, и тяжелее, и опаснее.

– Я же про то и говорю... А все же надо понимать, что, между прочим, артиллерия – бог войны.

– Расскажите, Строгов, как вы воевали в пехоте, – попросил я сибиряка.

– Давай, давай, не стесняйся, – поддержал меня Немыцкий. – Если что и не так скажешь, с тебя не взыщем, здесь все свои.

Польщённый вниманием офицеров, Строгов приосанился и начал:

– Скомплектовали-то нашу дивизию ещё осенью сорок первого года в Сибири. Товарищ сержант правильно сказал: тяжёлая служба в пехоте. То броски километров по пятьдесят, да все ускоренным маршем, то земляные работы, то строевая подготовка, то стрельбы. Однако кормили как следует, на голодуху небось никто не жаловался. Только вот в самом начале декабря, когда бои вокруг Москвы начались, привезли нашу дивизию на фронт. Высадились из теплушек в чистом поле под Калининым. Морозы уже крепкие ударили, а нам нипочём. Одежда, конечно, подходящая была – ватные штаны, полушубок, валенки, шапка-ушанка. Объяснил нам наш ротный командир обстановку: – «Немцы, – говорит, – наседают, хотят захватить Москву, а нам нашу столицу распрекрасную отдавать никак нельзя. Мороз, – говорит, – нам на подмогу пришёл. Фрицы к нему совсем даже непривычные, а нам, небось, мороз не страшен. Вот и надо нам не давать противнику греться».

Стали мы с левого фланга немцев обходить, такой нашей роте приказ был дан. Прошли несколько километров, заметили нас немцы, они высотку занимали, и начали пулять. А мы залегли и им тоже покоя не даём. Так и лежим друг против друга, как кто встанет – того на мушку берём. К ночи-то мороз покрепчал, стали немцы вяло отвечать на наши выстрелы. Окружили мы высотку и, всех кто там был, побили. Я все больше своим топориком орудовал, он для меня сподручней, чем штык; до мобилизации-то я на лесозаготовках работал. Как махну топориком – так фрица и нет... Ну и небось если на мушку возьму кого, так не сорвётся.

Строгов самодовольно потрогал солидный топор, лежавший рядом с ним.

– Вот какой ты герой, оказывается, – усмехнулся Климов. Попыхивая своей сигаркой, он очень походил на «старого гренадёра» как его звал Немыцкий.

– Побежали немцы, а мы за ними следом, – не даём им, значит, закрепиться, –

продолжал, не обращая на сержанта внимания свой рассказ Строгов. – Километров на двести за неделю продвинулись. Противник все побросал, – и танки, и пушки и даже продовольствие. Бились мы лихо, не давали фрицам передышки. Видят они, что деться им некуда, так решили не силой, а пакостью взять. Захватили мы как-то несколько ящиков консервов мясных. Свежие консервы, банки все закрытые. Старшина нам говорит: – «Не ешьте фрицову закуску, консервы-то, небось, отравлены». А я не послушался, съел две банки с хлебом, ничего, думаю, мне от их яда не будет. Вот и налетел... Спасибо, что врач наш батальонный мигом желудок промыл, а то не сидел бы я теперь с вами у костра.

– Жадность, между прочим, тебя подвела, – ехидно заметил Климов.

– Прошло несколько дней, вернулся я в строй, – продолжал, не обращая на него внимания Строгов. – Наше наступление все продолжалось. Тактику мы свою усвоили. Как немцы где закрепиться хотят, мы заставляем их выйти в поле и залечь. А там уже мороз своё дело делает, да и мы, небось, наловчились в обход их брать. Потерь, конечно, и у нас много было, только я все выходил невредимым. Мне наш отделенный командир тактику преподавал: – «Ты, – говорит, – в полный рост-то не ходи на виду у фрицев. В такого, – говорит, – медведя всякий дурак попадёт. А ты заметь себе ямку и быстрой перебежкой туда ныряй и смотри кругом, где и что делается. А потом и дальше таким же манером». – Усвоил я наставления моего отделенного и очень они мне разумными показались. А вражеских продуктов с того времени и в рот не брал, тошно мне было даже глядеть на них.

Все засмеялись. Даже суровый Климов захохотал, да так раскатисто, что лошади за нашей спиной обеспокоенно зашевелились.

Строгов обиженно замолчал.

– Смеяться тут нечего, – заступился за товарища замковый Недригайло. – Таких как Строгов от всех нас благодарный поклон должен быть.

– Ну, уж, так-таки и поклон, – усмехнулся Климов.

Недригайло в волнении встал, одёрнул ватную куртку и надвинул шапку на широкий лоб. Пламя костра осветило его приземистую крепкую фигуру и совсем молодое ещё лицо с крупным носом и квадратным подбородком. Он славился у нас как солидный, рассудительный боец и очень хороший механик, быстро устранявший все мелкие неисправности материальной части. Все замолчали, давая ему возможность высказаться.

– Когда война началась, я проходил действительную службу в арtpолку, – начал Недригайло, как обычно, солидно и неторопливо. – Было это в районе Орши. В первые недели войны бились мы, не хвастаясь скажу, крепко, да только пришлось нам все же отступить – потери большие имели. Отправили наш арtpолк на комплектацию в Тулу и, наверно, забыли – не до того было. Война идёт, а наш запасный арtpолк все комплектуется. К осени дело идёт, немцы Орёл взяли. Как-то ночью подняли нас по тревоге и дали команду пешим порядком уходить в Горьковскую область. Идём налегке, пушек у нас в то время не было. Километров тридцать – сорок за день отмахаем, ночь проспим и дальше идём. А сводки тревожные поступают: ломаются немцы в нашу страну и настроение у всех поганое. А что сделаешь?

Недригайло сел на своё место и продолжал:

– Помню, в середине декабря уже дело было. Остановились мы на ночь в какой-то деревне. Я с тремя товарищами попросились на ночёвку в одну избу. Хозяйка такая приветливая оказалась, муж-то у неё в армию был призван, а сама с двумя дочками осталась. Покормила она нас, чем могла, и спать мы улеглись на полу. Только вдруг на стене громкоговоритель «Рекорд» зашумел, сводку Верховного Командования передаёт. Слышим: наши войска перешли в наступление и отбросили противника с большими для него потерями от Москвы. Что тут было! Мы, конечно, радуемся, а хозяйка наша со своими дочками встала на колени перед громкоговорителем этим и начала молиться. Мы тоже на колени встали, молиться постеснялись – все же религиозные предрассудки, а на душе радостно и легко стало. Я эту ночь на всю жизнь запомнил.

Недригайло, охваченный воспоминаниями, устремил глаза на костёр. Мы не тревожили его и незаметно заснули. Я занял выгодную позицию: спина упиралась в тёплый живот Немыцкого, а спереди меня подогревал тлевший костёр. Заботливый Климов набросил на нас сверху какой-то брезент, тепла от него было мало, зато хоть снегом не заносило. Начался ветер, и время от времени дым вперемешку с золой и пеплом летел в лицо. Я машинально закрывался рукавом шинели, Немыцкий же, ничего не замечая, храпел на весь лес.

Утром мы вскочили по команде «Подъем» и стали, прежде всего, оттирать снегом закопчённые лица. Погода резко изменилась: началась метель. На дорогу за ночь намело большие сугробы, через которые приходилось продирааться, откапывая проходы в снегу. Каликин ворчал, что зря его не послушались и не продолжали поход ночью, как он советовал. За ночь он совсем раскис, его длинный крючковатый нос неестественно заострился и из него одна за другой падали на воротник шинели и на грудь крупные капли.

– Отправляйтесь вы поскорее в Заозерье и посмотрите, что там делается, – предложил ему Калашников. Каликин согласился. С ним вместе пошли старшина, сапёры и несколько разведчиков.

Голова нашей колонны, медленно продвигавшейся по дороге, достигла высоты, с которой открылся вид на большую деревню, с церковью, стоявшей посреди на пригорке. Я поднёс к глазам бинокль. Среди домов кое-где двигались тёмные фигуры. Из труб поднимался дым, свежий ветер закручивал его в спирали и гнал по направлению к нам. За селом, охватывая его с трёх сторон, раскинулось обширное озеро, очертаниями напоминавшее серп с сильно загнутыми в сторону посёлка концами. Оно было покрыто льдом и снегом, только вдоль берегов местами чернела каёмка воды. С другой стороны озера синевато-зелёной щёткой растянулся хвойный лес.

– Вот оно, Заозерье, – радостно закричал Немыцкий, подходя ко мне.

– Капитан Немыцкий так торжествует, словно именно он завоевал этот важный в стратегическом отношении населённый пункт, – пошутил я, передавая ему бинокль.

– Самое главное, что деревня не сожжена и обитаема. Значит, можно будет обогреться и несколько дней прожить по-человечески. Мне уже надоели груды обуглившихся брёвен и закоптелых кирпичей на тех местах, где на карте обозначены посёлки.

Я с ним был вполне согласен.

— Может быть, в Заозерье и девушки остались, — заметил Немыцкий лукаво. — Не мешало бы нам привести в порядок наши прокопчённые физиономии.

Не поддавшись соблазну заняться своим внешним видом, я продолжал наблюдать в бинокль за селом. Оживление на улицах возрастало, скоро посёлок стал похож на растревоженный муравейник. Наконец, на выходе из деревни собралась толпа в несколько десятков человек и устремилась нам навстречу.

— Что там происходит? — спросил немного встревоженно Калашников, подходя к нам. Он также достал свой бинокль. — Может быть, нам пора развернуть наши пушки, чтобы дать отпор атакующему неприятелю? — Впрочем, я вижу впереди нашего старшину, он возглавляет толпу. Значит, все в порядке.

Вскоре десятка полтора мальчишек разного возраста подбежали к нам. Увидев офицеров с биноклями, они остановились в нерешительности, словно стайка любопытных, но робких зверьков.

— Здравствуйте, ребята! — обратился к ним Немыцкий. — Что, заждались Красную Армию?

— Ох, как заждались, — серьёзно ответил один из паренёков постарше, одетый в рваный полушубок и огромные, подшитые войлоком валенки.

— Что это у вас, дядя? — Спросил малыш лет семи с ясными голубыми глазами. Вместо шапки на голове его красовалась копна перепутанных светлых волос. Он как зачарованный уставился на бинокль в руках Калашникова.

— Хочешь посмотреть? — Калашников протянул бинокль мальчику и помог приставить к глазам. — Видишь что-нибудь?

— Ничего не вижу, — нерешительно ответил паренёк. — Ой, а теперь вижу, да как здорово, — закричал он.

— Айда смотреть пушки, — весело загомонили ребята, уже забыв о нас в предвкушении более интересного зрелища.

Подошли наш старшина и взрослые, в основном женщины. На них была сильно поношенная одежда и, несомненно, требующая срочной починки обувь. На лицах сияло радостное возбуждение и ожидание.

— Здравствуйте, товарищи! Поздравляю вас с освобождением от фашистского ига! — громко, словно на параде, поздоровался Немыцкий.

— Здравствуйте, голубчики! — с достоинством ответила пожилая, высокая и костлявая женщина. На ней был какой-то чёрный балахон, а голову её закрывал большой чёрный же платок, что придавало ей сходство с монашенкой. Она не торопясь пожалала всем нам руки. — Вот дождалась вас, наконец. — Из глаз женщины закапали слезы, она нагнулась и вытерла их подолом платья, выбивавшегося из-под балахона.

— Товарищ капитан! Привёл вам на помощь добровольную команду жителей Заозерья! — весело отпаротровал старшина.

Несколько пожилых мужчин с заросшими бородами лицами, одетые в потрёпанные ватные куртки, также степенно поздоровались с нами, девушки же пугливой стайкой последовали за старшиной, который распределил их по орудиям. Воодушевлённые неожиданной помощью и ожиданием скорого отдыха бойцы приналегли на

орудия, которые облепили наши помощники, стараясь изо всех сил. Мы быстро продвигались к деревне.

– Товарищ лейтенант, что же вы нам не поможете, – кокетливо обратилась ко мне одна из девушек, когда я проходил мимо неё в хвост колонны. Застигнутый врасплох, я встал рядом с ней, испытывая некоторое смущение, и мы довольно долго молча толкали пушку, упираясь в передний щиток.

– Вот бы у нас на фронте всегда были такие усердные помощники, – наконец сказал я.

Девушка поправила выбивавшуюся из-под цветастого платка чёлку темно-русых волос. Одета она была так же непринуждённо, как и остальные, но её коричневый полушубок с белой выпушкой выглядел весьма опрятно, а на ногах были крепкие сапоги. Мы на минуту остановились, нагнав двигавшуюся впереди пушку, и неожиданно встали друг против друга. С досадой вспомнил я о своей закопчённой, небритой физиономии. «Почему я не послушался совета Немыцкого? Ведь ясно было, что нас выйдут встречать, а внешний вид для молодого лейтенанта – это как визитная карточка для аристократа».

– Второй день пробиваемся в ваше Заозерье, измотались и лошади и сами. Даже побриться времени не было, – извиняющимся тоном начал я.

– Ничего, мы сейчас для вас баньку истопим, отмоетесь, – лукаво улыбнулась девушка. В контрасте с её шуткой её большие серые глаза напряжённо смотрели на меня, словно она хотела сказать что-то очень важное, на свежих щеках вспыхнул слабый румянец. По существу, она не была красавицей. У неё было широкое обветренное лицо здоровой деревенской девушки, далеко не идеальный, слегка вздёрнутый нос и большой рот. Но исходившее от неё обаяние чистоты и внутренней силы не позволяло осознать эти мелкие недостатки.

По колонне передали, что лейтенанта Новикова вызывает командир батареи.

– Это меня зовут, – сказал я, прерывая затянувшееся молчание. – Как вас зовут?

– Маруся Родникова, – девушка подала мне руку. Я ответил на твёрдое, почти мужское рукопожатие её большой сильной руки. – Скажите, чтобы вас назначили к нам на постой. Дом у нас небольшой, зато тёплый. Вам хорошо у нас будет.

Я побежал в голову колонны, где собралось уже все начальство. Поравнявшись со старшиной, который исполнял у нас обязанности квартирьера, я шёпотом попросил его назначить меня на постой к Марусе Родниковой.

– Все будет сделано, – радостно заулыбался мой приятель. – Вот уж не ожидал от вас такой прыти. Поздравляю с первым успехом!

ГЛАВА IV

Капитан Калашников с торжественным видом шагал впереди колонны. Я нагнал его, когда он уже достиг околицы. В этот момент радостно и переливчато зазвонили колокола – несомненно, кто-то с колокольни следил за нашей колонной.

– Вот как нас встречают, – со счастливой улыбкой прошептал оказавшийся рядом со мной Нестеров.

Нас нагнал Немыцкий и гордые сознанием той роли, которая нам досталась, мы двинулись по улице. Навстречу нам вышли несколько стариков и старушек, за ними толпилась детвора. В руках полной пожилой женщины в белом фартуке мы увидели большой каравай.

– Видите, нас встречают с хлебом-солью, как освободителей. Это надо ценить, – тихо произнёс Немыцкий на ухо Калашникову. – Вы как старший по возрасту и званию должны отломить кусочек хлеба и съесть его, а потом вам надлежит расцеловаться со всей встречающей нас делегацией.

Смущённый общим вниманием, Калашников выполнил все, что от него требовалось по освящённому веками обычаю. После этого мы все попали в объятия встречавших, которые крестили нас, плакали и улыбались одновременно. Тем временем пушки и повозки были установлены на обширном пустом гумне, лошади выпряжены и бойцы, следуя указаниям старшины, сопровождаемые молодёжью и ребятами, отправились по домам.

– Пойдёмте, товарищ лейтенант, я вас провожу, – сказал, подходя ко мне Воронов. Старшина назначил его вместе со мной в дом моей новой знакомой.

Мы подошли к небольшому трёхконному дому, крытому тёсом, и поднялись на высокое крыльцо. Маруся, ждала нас в дверях. Мы прошли через обширные сени, предшествуемые молодой хозяйкой, и попали в тепло натопленную избу.

– Вот моя матушка, Клавдия Фёдоровна, – сказала Маруся.

Нас встретила поклоном не старая ещё, крепкая на вид женщина с гладко зачёсанными на прямой пробор темными волосами, в длинном тёмном сарафане, поверх которого была надета шерстяная кофта кофейного цвета.

– Вы так вдвоём и живете, – удивлённо спросил я после того, как мы поздоровались. – Не страшно вам в такое время быть одним?

– А вот наш мужичок, он нас охраняет, – ласково возразила хозяйка, положив руку на светловолосую голову неизвестно откуда вынырнувшего мальчика лет двенадцати. Я уже, кажется, видел его среди ватаги встречавших нашу колонну ребят.

– Как тебя зовут, мужичок? – обратился я к нему. Тот смущённо спрятался за спину сестры.

– Коля его зовут, Николай Васильевич. Муж то мой Вася на фронте, а может, и в живых уже нет, – пригорюнилась хозяйка. – С сорок первого года никаких вестей нет.

– Теперь разыщем, – самоуверенно пообещал я. – Теперь все письма сразу придут.

Мы с Вороновым сняли шинели, прошли в передний угол и осмотрелись. Изба была, действительно, невелика. Весь правый угол от входа занимала широкая русская печь. От неё к передней стене избы тянулась дощатая перегородка с дверью, занавешенной какой-то тряпкой. В левом переднем углу под прямым углом сходились две широкие скамьи, перед которыми находился крепко сколоченный стол. Сам угол занимала божница с несколькими потемневшими иконами. У задней стены, слева от двери стоял большой сундук, окованный железными полосами, над ним на гвоздиках висела верхняя одежда хозяев. Вдоль перегородки располагалась большая деревянная кровать, покрытая одеялом из разноцветных треугольных лоскутков. В комнате были ещё две табуретки. По полу прыгали, не обращая на нас никакого внимания,

три белых ягнёнка. Играя, они вскакивали на скамьи, на кровать, потом стремглав пронеслись через всю избу, время от времени оставляя на полу лужицы. Возле печки к перекладине был привязан пёстренький телёнок.

– Тёлочка? – понимающе спросил с улыбкой Воронов. Для него эта обстановка была привычной. Я же, городской житель, в первый момент, признаться, был неприятно поражён. К счастью, хозяева ничего не заметили. Клавдия Фёдоровна с энтузиазмом принялась описывать все статьи родителей, от которых произошла Пеструшка – так звали тёлочку, а также и резвившихся вокруг нас ягнят.

Мы с Марусей присели за стол. Простое полотняное платье плотно облегало её статную сильную фигуру. Когда она сняла платок, то оказалось, что волосы её сзади заплетены в несколько косичек, доходивших ей до пояса. В ушах блестели дешёвенькие серьги с голубым камушком.

– Вы говорите «страшно», – возразила Маруся. – Своих-то мы не боимся, а вот когда немцы приезжали или власовцы, так с мужиками ещё хуже было. На счастье, наше село на отлёте стоит, места глухие – с трёх сторон озеро, а сзади леса и болота непроходимые. Одна дорога до большака, километров пятнадцать отсюда проходит, а другая, по которой вы приехали – та в сторону. Так вот, когда наша армия отступила и остались мы с немцами один на один, то первым делом наши мужики разобрали все мосты через реки. А их по дороге к большаку три, да все глубокие, надо брод знать, а то в такую трясиину влезешь, что и не выберешься. Разобрали они мосты, поставили дозорных на колокольне – сидим, ждём. Все лето прожили спокойно, а как установились морозы, так и нагрянули немцы. Я-то с другими девками и парнями в лес убежали. Вот мама пусть дальше расскажет, что здесь у нас было.

Хозяйка и Воронов оборвали свой нескончаемый хозяйственный разговор на самом интересном месте: Воронов делился своим опытом по откармливанию поросят. Клавдия Фёдоровна присела к столу. Однако разговору не суждено было состояться – прибежал Коля и закричал с порога избу:

– Дядя Воронов, старшина приказал за обедом идти!

Хозяйка стала накрывать на стол. Тем временем вернулся Воронов с котелками супа и каши: таково было наше обычное меню. Маруся достала большие деревянные миски и все уселись за стол.

– Ну, как кормят нашу Красную Армию? – спросил Воронов у Коли, когда тот опустошил свою миску.

– Хороша кашка, да мала чашка, – не замедлил с ответом мальчик, облизывая ложку.

– Ах ты, бесстыдник! – возмутилась мать, – не слушайте вы его! Да и то скажу, живём мы в дикости, никакого образования парень не имеет. Маруся то успела семилетку кончить, а школу нашу немцы сожгли, Коля то и не учился. – Она достала из печи большой чугунок с ухой из свежей рыбы. – Из озера, – пояснила она. – Круглый год рыбой подкармливаемся.

Мы приступили уже ко второй порции ухи, когда в избу зашёл Немецкий.

– Однако ты, я вижу, здесь неплохо устроился. Тебе можно только позавидовать, – заявил он.

– Зато у вас дом большой и хозяйка молодая, – подшутила Маруся. Она каким-то образом была прекрасно осведомлена о том, кто и где встал на постой.

– Молодая да ленивая, – поддержала её Клавдия Фёдоровна. – Мы как-никак с Марусей сами рыбу добываем, а она ждёт, когда ей мужики принесут.

Усадив Немыцкого за стол, хозяйка налила ему ухи. Немыцкий отнюдь не стал отказываться: это не входило в его привычки.

После обеда хозяйка пошептала с Марусей и заявила:

– Теперь ложитесь отдыхать, а мы тем временем баньку вам истопим. У нас банька-то, как-никак, не по-чёрному, так что славно помоеетесь.

Хозяйка не зря похвасталась своей баней. Мы славно попарились и когда вечером предстали, чистенькие и побритые, перед насмешливыми глазами Маруси, она была приятно поражена:

– Вы, оказывается, не такие уж старые, как я сначала подумала. Я-то решила, что вам под тридцать будет, – не удержалась она от очередного иронического выпада.

– Девушка, вы сильно ошиблись, – подхватил её шутку Немыцкий. – Нам только по восемнадцать.

– А мне на Иоанна Богослова девятнадцать стукнуло. Значит, я старше вас и вы должны во всем меня слушаться!

– Есть, товарищ начальник, во всем слушаться! Только разрешите спросить, что значит на Иоанна Богослова стукнуло? Кто и когда осмелился вас стукнуть? – с невинным видом начал разыгрывать из себя дурачка Немыцкий.

– Эх вы, серость! Дослужились до чина капитана, а не знаете, что Иоанна Богослова празднуют в конце сентября, – поехидничала Маруся.

Хозяйка поставила на стол большой самовар и горшочек с мёдом. У меня ещё оставалась заварка настоящего чая, и мы не торопясь приступили к традиционному послебанному чаепитию, перебрасываясь шутивными замечаниями. Вскоре «на огонёк» зашли ещё две девушки и с ними наш старшина – у него был обострённый нюх на все сборища. В избе стало совсем весело; от взрывов хохота керосиновая лампа на столе подпрыгивала и пускала дымок в перегретый воздух.

Старшина объявил, что завтра утром будет молебен во славу побед русского воинства. Немыцкий задумался, мы все смотрели на него, ожидая, что он предпримет.

– После молебна проведём митинг. Соберите весь состав батареи на площади, – приказал он старшине.

Хозяйка уступила мне свою кровать. Сама она с Марусей и Колей расположилась тут же, на полу. Старая деревянная кровать при каждом моем движении издавала стоны и скрипы, словно собиралась развалиться. Я чувствовал себя стеснённым и этими звуками, и близостью женщин, которые без церемоний разделались и улеглись на подстилке из соломы, покрытой грубым холстом. Признаться, я опасался атаки клопов, однако или их не было, или я так крепко заснул, что не почувствовал их укусов.

Утром меня разбудил непривычный для уха церковный благовест. Хозяев уже не было. Мы с Вороновым быстро позавтракали и отправились на площадь перед церковью, где уже собрались все бойцы нашей батареи. Кругом с криками шныряли возбуждённые мальчишки, степенно прохаживались мужчины. Женщины почти все были в церкви.

– Где капитан Немыцкий? – спросил я у одного из бойцов.

– Они с капитаном Калашниковым в церкви, – ответил тот с неопределённой ухмылкой. – То ли молятся, то ли присматриваются. Нам-то сказано, что не надо туда идти.

Я зашёл в церковь и присоединился к стоявшей особняком группе наших офицеров: не было только Каликина. На мой вопрос Калашников сообщил шёпотом, что наш начальник штаба сильно простудился и сидит в поповском доме, где его лечат: попадья – чаем с малиной, а две её хорошенькие дочки – своими взглядами. Судя по этой шутке, настроение у моего начальника было превосходное. Моя жизнь до армии сложилась так, что я не интересовался церковной службой и, естественно, ничего в ней не смыслил. У меня все же сложилось впечатление, что молебен проходил, как сказал бы наш старшина, «на высоком уровне». Пожилой священник, облачённый в непривычные для глаза блестящие громоздкие одеяния, старался изо всех сил, ему помогал маленький чернявый дьячок. Церковный хор состоял в основном из девушек. Среди них я увидел и Марусю, которая по случаю праздника нарядилась в своеобразную темно-синюю накидку с короткими рукавами, с бархатным голубым воротником, отделанным бисером. На голове у неё был нарядный платок.

После молебна все степенно вышли на улицу и столпились на площади. Немыцкий взобрался на паперть и открыл митинг. Сначала он сам рассказал об успехах Советской Армии, о трудностях предстоящей борьбы, о международном положении. Мой друг был талантливым оратором, он умел и любил говорить для масс. Его с напряжённым вниманием слушали не только жители села, но и наши бойцы, которым Немыцкий как будто бы примелькался. Заканчивая свою импровизированную речь, он объявил, что пока наша батарея задерживается из-за распутицы в Заозерье, мы начнём восстанавливать школу и мосты на дороге, связывающей село с внешним миром.

Толпа загудела и разбилась на мелкие группы, внутри которых разгорелись ожесточённые споры.

– В чем дело, товарищи? – попытался Немыцкий восстановить порядок. – Если кто хочет выступить, то, пожалуйста, выходите сюда.

Понемногу установилась относительная тишина. Подталкиваемый соседями, на паперть поднялся плотный низенький крепыш в ватной куртке, доходившей ему до колен. Он снял шапку, обнажив давно не стриженную полуседую голову, огладил широкую бороду и поклонился толпе.

– Давай, Федя, не тяни! Говори все, как есть! – подбодрили его в несколько голосов приятели.

– Кто это? – спросил я у оказавшегося рядом со мной молодого долговязого парня.

– Это-то? Да первый наш бузотёр, Федор Матвеевич Зайцев, – ответил шёпотом парень. – Ещё когда колхоз был, он все время супротив всех выступал, чтобы, значит, своими хозяйствами жить.

Зайцев приосанился и начал довольно уверенным и громким голосом. Против восстановления школы он не возражал, но ремонт мостов считал ненужной и даже вредной затеей, так как в существующих смутных условиях природная изолированность деревни служила основой её сохранности.

После Зайцева выступили ещё несколько человек. Мнения разделились: одни

стояли за восстановление мостов, другие были против. В самый разгар дискуссии ко мне протискалась Маруся.

– Какая у тебя красивая шубка, – заметил я; мы с ней уже были на «ты».

– Какая же это шубка, это салоп! – засмеялась девушка. – Ничего-то ты не смыслишь! Чему только вас учили в Университете?

Я хотел было ответить, что такая допотопная одежда, доставшаяся ей, наверно, в наследство от прабабушки, давно вышла из моды. Однако взглянув на счастливое, раздумавшееся лицо моей молодой хозяйки я не решился её огорчить, тем более что шубка (или салоп) была, несомненно, ей к лицу. К счастью, все кругом затихли, так как на паперть поднялась уже знакомая мне женщина, похожая на монашку, которая вчера первая приветствовала нас на дороге.

– Это наша учительница, Лидия Митрофановна, – пояснила мне Маруся. – Она и её муж Сергей Георгиевич работали здесь лет тридцать, так что почти все здесь – их бывшие ученики.

Лидия Митрофановна начала говорить уверенно и авторитетно, словно в классе перед ребятами, которым нужно втолковать бесспорные истины:

– Вот вы видите, что пришла наша Красная Армия и прежде всего, беспокоится насчёт восстановления школы. А что немцы сделали? Вы знаете, что когда в первую военную зиму нагрянули к нам немцы, то первым делом пошли они по домам шарить, где бы чего пограбить. Заявились и к нам в школу, а там Сергей Георгиевич был. Вы знаете, он очень книги любил и много их собрал. Увидел немецкий офицер книги и озлился: «Сжечь – командует, – все книги!» – «Как же можно книги жечь, ведь вы же культурные люди!» – говорит ему Сергей Георгиевич по-немецки. А немецкий офицер ещё более озлился: – «Ты русский коммунист!» – кричит, выхватил пистолет и у меня на глазах на месте его застрелил. А потом приказал школу вместе с книгами поджечь. Только часть книг мы все же успели растащить и спрятать.

Лидия Митрофановна долго молчала с мрачным и сосредоточенным видом, погруженная в тяжёлые воспоминания.

– Кое-кто думал тогда отсидеться здесь, за озером нашим. Да ведь не вышло! И разграбили нас, и отняли у нас самое дорогое – наших детей и наших близких, угнали их неизвестно куда. А сейчас что же нам отгораживаться от нашей Советской Родины? Пусть наши красноармейцы помогут нам восстановить дорогу и мы отдадим все свои силы, чтобы приблизить окончательную победу над фашистской Германией и помочь восстановлению нашей страны.

Яркое солнце заиграло похлывым золотом на куполе старенькой церкви. Над голыми деревьями и притихшей толпой кружили в синем небе чёрные птицы и, словно одна из них, подбитая недругом, стояла на паперти одинокая женщина в чёрной одежде.

ГЛАВА V

– До Заозерья мы добрались сравнительно благополучно, как нам теперь из него выбраться? – с многозначительной вопросительной миной на лице проищёс Калашников.

– Чего нам беспокоиться, будем сидеть, пока паводок не спадёт, а тем време-

нем починим мосты и двинемся «в путь-дорогу дальнюю», – пропев конец фразы, отозвался Нестеров, с легкомысленным видом рассматривая в облезлом настенном зеркале свою свежепобритую физиономию и охорашиваясь.

– А продукты? Их у нас осталось на неделю, – подал озабоченную реплику старшина.

– Будем экономить, а хозяева нас подкормят немного, – успокаивающе заключил Немыцкий. – Хорошо бы уточнить, сколько времени продолжается здесь паводок? Хотя хозяева наши очень гостеприимны, надолго садиться им на шею, конечно, нельзя. В общем, перекрутимся. Вот, например, лейтенанту Новикову смерть от голода не грозит: утром у него кофе в постели, потом лёгкий завтрак. В промежутке между лёгким и тяжёлым завтраком разговоры с Марусей на лирические темы, затем обед из четырёх блюд...

– Повезло лейтенанту, – завистливо перебил его Каликин. Он уже вполне поправился и принимал участие во всех батарейных мероприятиях своим не всегда уместным вмешательством, ставя иногда Калашникова и Немыцкого в неловкое положение.

– Вам грех жаловаться, товарищ начальник штаба! Вы на поповских харчах уже изрядно раздобрели. А внимание со стороны двух обворожительных поповен? Это надо ценить! – отшутился я. – Впрочем, все мы здесь ходим сытые, как коты в амбаре, полном мышей.

– У меня появилась блестящая идея, – нахально усмехаясь, заявил Немыцкий. – Давайте женим Новикова на Марусе! Доброе дело сделаем: заметили, как она на него смотрит? Прямо скажу, девочку жалко. А мы на свадьбе попируем!

– Господи, избави нас от друзей наших, а с врагами мы и сами справимся, – посоветовал я, укоризненно взглянув на Немыцкого. Я был неприятно поражён и смущён его шуткой.

– Женим, женим! – закричал весело Калашников. Широко расставив руки, он обнял меня. – Чур, я буду посаженным отцом!

– А я сватом, – столь же радостно поддержал его Немыцкий.

– Я на это дело пушу все съэкономленные стограммовые порции, – заявил старшина. – Проведём мероприятие на высоком уровне!

Все оказались «за», только Каликин колебался. Я давно догадался, что ему самому нравилась моя Маруся.

Мы вышли из просторной избы, половину которой занимала комната Немыцкого. С пригорка далеко во все стороны просматривалось озеро, уже почти свободное ото льда. Впитав обильные вешние воды, оно превратилось в настоящее море, а наше село оказалось на острове. Далёкие низкие берега были затоплены, только кое-где, словно щёточки, протянулись темно-зелёные зубчатые полосы хвойных зарослей, подёрнутые смутной сизой утренней дымкой. Свежий ветер гнал волны по казавшейся шершавой поверхности озера, завихряя белые гребешки. В весеннем воздухе кружились и кричали сотни птиц.

– Благодать! – сказал Калашников, щурясь на солнце. – Век бы здесь прожил! Более практичный старшина, которого наверно свербила мысль о кончающих-

ся продуктах, обратился к проходившей мимо старушке – он уже почти всех в селе знал по имени и отчеству:

– Пелагея Тихоновна, как вы думаете – сколько ещё времени будет распутица?

– Не знаю, милый! Может неделю, а может и месяц. У нас по-всякому бывает, – закрываясь от солнца коричневой рукой, ответила старушка. – Да вы спросите у Стёпки Разина: он уж точно скажет. Он у нас по таким делам первый знахарь.

– Отправляйтесь к Разину и выясните обстановку, – официальным тоном обратился ко мне Калашников.

Вокруг дома Немыцкого всегда вертелись мальчишки в ожидании новостей, о которых им охотно рассказывал общительный капитан. Я подозвал паренька лет двенадцати со смыслёным лицом, шеголявшего босиком, в простой рубашке и холщовых штанах, давно ставших ему короткими, но с новенькой пилоткой на спутанных светлых волосах.

– Откуда у тебя пилотка? – спросил я для начала знакомства.

– Мне дядя старшина дал, у него она лишняя оказалась.

Я догадался, что мальчик этот из семейства Глафириных: у них жил старшина.

– Так ты Глафирин? А как тебя зовут?

– Зовут меня Петрухой, только вовсе я не Глафирин, а Крайнов. Тётя Даша, Глафирина значит, она мне настоящая тётка, потому что когда моего папку немцы угнали, я к ней жить перешел.

– Покажи мне, где живёт Степан Разин. Кстати, как его отчество?

– Величают его Степаном Тимофеевичем, как Стеньку Разина, значит. Только его никто у нас так не зовёт, а просто говорят Стёпка колдун, а ещё теперь партизаном зовут.

– Что же он порчу напускает на людей или на скотину?

– Нет, плохого он не делает, он добрый. Только лечит всякими травами и всякие заговоры знает.

– Он действительно в партизанах был? Ведь партизаны – они наши герои! – Я был удивлён столь противоречивой характеристикой человека, к которому мы шли.

– Кто его знает, герой он или нет. Только когда кругом немцы были, он с несколькими нашими мужиками ушёл в лес, там ещё беглые красноармейцы обитали. А дядя Степа в лесу все тропинки знает, он у них проводником был.

Мы подошли к стоявшему на отлёте приземистому дому, выходящему окнами на озеро. Когда-то, наверно очень давно, он был сложен из могучих брёвен, как говорят «на века». Под действием времени и непогоды дом постарел, ушёл в землю и нуждался в срочном ремонте: двери и окна покосились, на крыльце не хватало самых нужных ступенек, несколько стёкол были выбиты, а дыры заткнуты тряпками. Тесовая крыша, похоже, не менявшаяся со дня постройки дома, заросла мхом и на ней зияли черные провалы.

– Дядя Степа, к тебе пришли, – закричал мой проводник, постучав палкой под окном. В ответ невзрачная серо-бурая собачонка, дремавшая возле крыльца, подняла голову и протявкала – сначала один раз, спустя некоторое время ещё два раза с коротким интервалом.

– Это она хозяину сигнал подаёт, кто, значит, пришёл, – с восхищением

пояснил Петруха.

– Смотри, какие чудеса! Хозяин, наверно, и в самом деле кудесник. Ну а ты кем хочешь быть? – задал я мальчику стандартный вопрос.

– Артиллеристом! – задрал голову и хитро улыбаясь, ответил тот. – Как вы лейтенантом или капитаном.

– На артиллериста нужно долго учиться, математику и всякие другие науки изучать.

– Буду учиться! Лидия Митрофановна говорит, что к математике я даже очень способный.

В это время откуда-то со стороны двора подошёл хозяин и я отпустил Петруху. Степан Тимофеевич, изрядно прихрамывая, опирался при ходьбе на толстую палку с гладко зачищенной узловатой рукояткой. На вид ему было не более пятидесяти лет, но его прикрытая засаленным картузом голова и реденькая козлиная бородка были седые. От своего знаменитого тёзки он заимствовал, пожалуй, только брови – широкие, лохматые, совершенно черные они нависали над бледно-голубыми усталыми глазами, контрастируя с остальными чертами заурядного лица. Роста немного выше среднего, одетый, как и большинство местных жителей, в старую ватную куртку, он ничего «знахарского» или «партизанского» не имел в своей внешности. Я не раз уже встречался с ним, но запомнил не его самого, а его палку.

– Здравья желаю! – обратился он ко мне.

Я поздоровался с ним за руку, как это было принято в Заозерье. Рука у него оказалась сильная, с длинными подвижными пальцами.

– Вам бы, Степан Тимофеевич, с такими руками хирургом быть, – заметил я.

– Вот сразу видно образованного человека, точно определил, кем бы мне быть надлежало, – по-видимому польщённый моим замечанием отозвался Разин. – А то все меня Стёпкой-знахарем зовут: даже обидно иной раз станет. Чуть кто заболит, небось, ко мне бегут.

– Чем же вы лечите? Наверно, теперь и лекарств никаких не достанешь.

– Лечу тем, что земля даёт. Для понимающего человека в лесу, на лугу, в поле – целая аптека. Много всяких средств от всех болезней природа нам заготовила.

– Петруха рассказывал, вы и заговоры знаете?

Разин хитро улыбнулся.

– Заговоры у меня только для виду, для большей убедительности, значит. Пошпечешь какую-нибудь ерунду, больная бабка уверует в силу лечения и успокоится. А это для излечения – великое дело.

Я не удержался и расхохотался, Разин мне вторил. Удивлённая собака встала, подошла поближе, обнюхала меня и нерешительно завияла хвостом. Мы присели на нижнюю ступеньку крыльца.

– Вот Аполлон помогает мне травы и коренья разыскивать, – продолжал Разин. – Очень понятливый кобелёк и нюх у него особенный. Ежели на охоте – лучше его собаки не найдёшь.

Поняв, что говорят о нем, Аполлон посмотрел на меня умными глазами и улёгся в тени. Солнце поднялось высоко и становилось жарковато.

– Где же вы научились всей этой премудрости?

– У нас в роду это от отца к сыну передаётся, это насчёт трав всяких и природных средств. А дальше дело так сложилось. Придавило как-то мне ногу на лесозаготовках – я тогда ещё не старым был, работал наравне со всеми. Попал я на операцию, подлечился, потом тамошний доктор оставил меня при больнице за санитаря. Два года прослужил, научился раны перевязывать, кости править и многому другому. Очень даже пригодилась вся эта наука. Осенью сорок первого года собралась в нашем селе группа красноармейцев, офицеры были тоже. Большей частью раненые все были. Немцы к нам пробиться не могли – кругом села вода и грязь непролазная. Подлечил я их, как мог и отвёл в лес подальше, на зимовку. Мой свояк председателем колхоза был при Советской власти, так он наладил им продовольствие посылать. Пронюхали немцы, что в лесу партизаны завелись, нагрянули в наше село зимой. Школу сожгли, учителя убили. Потом у нас много народу угнали. Я-то схоронился, а вот дочка моя Алена пропала...

Разин горестно задумался, я не осмеливался расспрашивать его, вороша не зажитую рану.

– Что я вас здесь на дворе держу, – встрепенулся вдруг хозяин. – Пойдём-ка в дом, я тебя дичинкой угощу. Я хоть и хромой, а пустые мы с Аполлоном из лесу никогда не уходим.

Мы вошли в сильно запущенную избу, с почернелым потолком и рваными, висящими клочьями обоями на столь же черных стенах. С потолка свисали несколько пучков сухих трав, распространяя слабые странные запахи. Угостив меня какой-то очень вкусной жареной птицей, хозяин спросил, наконец, о цели моего прихода. Я объяснил ему сложившееся положение.

– Насчёт харчей вы не беспокойтесь, – обнадёжил меня Разин. – У нас хоть немцы и сильно пограбили, да ещё достаточно у всех осталось и хлеба, и всего прочего. Озеро рядом – рыбу ловить наладимся. Деревня наша на отлёте стоит, добраться-то до неё не просто. Опять-таки – в лесу партизаны были: немцы хоть и бывали, да не часто. Самое тяжкое – людей они много забрали, и мужиков молодых, и девок. По теперешним временам каждый работающий мужик для села это клад. Поможете нам со строительством, с подготовкой к посевной – вот и ладно будет.

– Сколько же нам у вас стоять придётся?

– Да недельки три-четыре ещё поживёте. Паводок в этом году сильный, раньше никак не выйдет.

С этими сведениями я и отправился к Калашникову. Тот задумчиво пожевал губами, вытянув их в трубочку:

– Неделку мы можем здесь прожить спокойно, а там придётся послать кого-нибудь для установления связи с дивизионом.

Вечером после ужина Маруся спросила меня:

– Зачем ты к Стёпке-знахарю ходил? Не заболел ли случайно?

Я передал ей содержание беседы с Разиным. Услышав, что батарея ещё долго будет стоять в Заозерье, Коля закричал «Ура!» и начал скакать по избе, пугая притомившихся за день ягнят. Маруся сидела долгое время молча, поглядывая иногда на меня, казалось, она также была довольна. Лицо её немного порозовело, на губах

блуждала смущённая улыбка. Я вспомнил реплику Немыцкого во время утреннего разговора: «Как она смотрит на тебя! Прямо девку жалко». Признаться, я не нашёл в её взглядах признаков пылкого чувства. Просто сидела и посматривала. Может быть, Немыцкий подшутил надо мной? Или же я не умею читать в глазах и разгадывать тайны девичьих взоров? Что я вообще смыслю в любви?

Я вспомнил, что Маруся за прошедшие дни провела детальный осмотр и ремонт моего белья и обмундирования, зашив все дырки и укрепив все пуговицы. Но то же самое она проделала и с вещами Воронова, а уж тут нежные чувства могла бы проявить скорее её мамаша. Мучаясь сомнениями, я вопреки обыкновению долго не мог заснуть, вертясь на скрипучей кровати. Маруся рядом на полу, на своём сеннике, также как будто бы не спала. Вот она, привстав на своём ложе, провела рукой по моим волосам и прошептала: – «Спи, лейтенант». Я поймал её руку и крепко её пожал. Какое-то радостное спокойствие овладело мною, и я крепко уснул.

На следующий день после обеда Маруся попросила меня помочь ей набрать корма для коровы. Мы пошли в стоявший на отлёте обширный сарай, где хранилось оставшееся сено, смётанное в высокую копну. Я забрался наверх и стал оттуда вилами сбрасывать сено, Маруся собирала его в большие охапки и уносила.

– Не тяжело тебе носить такие большие охапки? – спросил я, когда мы закончили работу.

– Я привычная, да к тому же очень сильная. Не веришь? Хочешь, я тебя подниму? – лукаво спросила девушка.

Она прижала мои полусогнутые руки к туловищу, подхватила меня под локти и спустя мгновение, я взлетел к самой крыше сарая. Маруся без труда «выжала» мои семьдесят килограммов, да к тому же вместе с тяжёлыми сапогами и обмундированием.

– А теперь я тебя подниму, – предложил я, немного сконфуженный. Не претендуя на повторение подвига девушки, я подхватил её одной рукой подмышки, другой под колени и, держа на руках, прокрутился несколько раз по сараю. Маруся закрыла глаза и тихо прошептала: – Ой, голова закружилась!

Её лицо в полутёмном сарае светлело совсем близко от моего и я, сам не знаю как, крепко поцеловал полные свежести губы.

– Пусти, – прошептала Маруся.

Я опустил её на землю и в ожидании упрёков стоял растерянный и пристыженный перед ещё более смущённой девушкой. Неожиданно из глаз её обильно полились слезы. Она не вытирала их, только нагнула немного голову, не решаясь взглянуть на меня.

– Вот уж никогда не думал, что в твоих глазах может уместиться столько слез! Я тебя обидел? Прости меня! Тебе нехорошо?

– Мне очень даже хорошо, – улыбаясь сказала Маруся. Поток её слез прекратился так же внезапно, как и возник. – Пойдём, – просто сказала она.

Сильно смущённые, мы вышли из сарая, и я отправился по своим батарейным делам.

Установились по-весеннему тёплые, ясные дни, однако под утро крепкий морозец сковывал льдом лужи и иней покрывал землю. По вечерам батарейная и местная молодёжь, легко одетая – бояться холода считалось смешным и предо-

судительным, – собиралась на площадке перед строящейся школой. Пели старые и новые песни под аккомпанемент гитары Немыцкого, танцевали под гармошку, играли в незамысловатые игры, которые с азартом и весьма умело, организовывал Немыцкий. Спокойное тёмное небо, обрызганное звёздами, нависало над домами, над плещущимся у подножия пригорка озером и смутно угадываемыми вдалеке лесами. Война, казалось, отодвинулась куда-то далеко: может быть её и совсем не было, как не было другого мира, кроме этой площадки, на которой кружились парни в гимнастёрках, обнимая девушек в странных старомодных нарядах. Я старался не быть единственным партнёром Маруси, чтобы не давать окружающим лишнего повода для шуточек. Она сама была менее щепетильна и не раз брала инициативу в свои руки, решительно пресекая попытки других девушек пококетничать с лейтенантом, как меня все здесь называли, добавляя ещё не без ехидства «Маруськин лейтенант». Её побаивались – видно рука у неё была тяжёлая, и не прекословили, когда она бесцеремонно предъявляла свои права. После вечеринки мы с Марусей, взявшись за руки, возвращались домой, тихо переговариваясь о мелких происшествиях дня. О любви и о нашем будущем мы не говорили – слишком неопределённым оно было. Перспектива неизбежной близкой разлуки неотвратимо довлела над нашими чувствами, сдерживая их проявление.

Однако совсем не так думали наши друзья. Немыцкий и старшина не оставили мысли попить на нашей свадьбе и как-то утром возобновили разговор на эту тему.

– Как же мы будем жениться? – попробовал я урезонить не в меру разохотевшихся любителей свадебного пира. – Здесь нет никаких властей, полномочных зарегистрировать наш с Марусей брак. Не венчаться же нам в церкви?

– В церкви венчаться тебе нельзя, – согласился со мной Немыцкий. – Но я берусь оформить всё надлежащим образом и выдам Марусе справку,

– А я запишу Марусю в вещевую книжку лейтенанта, – с готовностью подхватил старшина.

– А если я буду вскоре убит? Ведь война ещё не кончилась, – попробовал сопротивляться я.

– Кто же в таких обстоятельствах думает о смерти, – засмеялся Немыцкий. – Будь спокоен, делай своё дело, а об остальном позаботимся мы со старшиной. А пока пошли на митинг по случаю открытия школы!

Где была наша бдительность! Мы совсем забыли о необходимости строго хранить военную тайну и не обратили внимания на то, что при разговоре присутствовала Анюта – маленькая дочка хозяйки Немыцкого. Она сидела в своём уголке и, казалось, была поглощена игрой с рыжим котёнком, старательно заворачивая его в кукольное одеяльце. Через полчаса вся деревня знала, что лейтенант женится на Марусе Родниковой и что дядя старшина запишет её в вещевую книжку лейтенанта.

ГЛАВА VI

Школа была отстроена заново и укомплектована столами и скамейками, которые смастерили наши умельцы. Немецкий, как обычно, взял инициативу в свои руки и организовал митинг. Выступил сержант Климов – как руководитель плотничных и столярных работ. Лидия Митрофановна закатила получасовую речь о пользе образования. От детворы выступил мой приятель Петруха, который недвусмысленно заявил, что в школе будет учиться «на артиллериста». Немецкий в заключение легкомысленно пообещал, что мы все приедем к началу учебного года и вместе отпразднуем окончание войны.

После митинга меня остановила Лидия Митрофановна:

– Ты что же это, тихоня, жениться задумал? Скажу прямо: девку себе высмотрел что надо – и красавица, и работающая, как никакая другая. Теперь, чур, условие такое: кончится война – приедешь к нам в Заозерье, учительствовать будешь, нам как раз по математике и физике учителя всегда не хватало.

Что мне было делать? Я мялся, краснел, что-то невнятно бормотал и своим поведением, конечно, только подтвердил пущенный маленькой Анютой слух о моей женитьбе.

Зайдя домой, я застал в сборе всю семью. Маруся встретила меня у порога.

– Что же ты – решил жениться, а мне ничего не сказал? Может, я и не пойду за тебя! – насмешливо заявила она.

– Будет тебе фордыбачить-то, – прервала её мать. – Сама, небось, рада-радешенька. – Она обняла и трижды поцеловала меня, потом Марусю. – Благословляю вас, живите с миром!

– Теперь поцелуйтесь! – закричал Колька.

Я не без удовольствия выполнил установленный обряд. Целуя желанные Марусины губы, я про себя решил: «Пусть все идёт своим чередом». Я все же счёл своим долгом подробно рассказать моим будущим родственникам о невозможности законно оформить брак в данный момент.

– Расскажи мне, что значит записать в вещевую книжку? – потребовала Маруся.

– Это глупая шутка старшины! В вещевую книжку записываются выданные офицеру принадлежности обмундирования. К женитьбе она не имеет никакого отношения, – с чувством негодования объяснил я.

– Мне все равно, я готова и в вещевую книжку записаться, быть бы мне только с тобой, – печально вымолвила Маруся. – Ведь ты же скоро уедешь от нас. – На глазах её появились слезы.

– Может быть не так уж скоро, – успокоил я её.

День выдался тяжёлый. Мы заканчивали восстановление третьего – последнего моста на дороге, связывающей Заозерье с большой дорогой. Калашников, а в особенности Каликин, всячески подстёгивали бойцов, которые втайне вовсе не хотели топиться покидать гостеприимное село. Поздно вечером, когда я возвращался домой, меня встретила Маруся. Мы с ней неторопливо шли по знакомой улице. Сгущались

сумерки, в окнах мигали приветливые огоньки, обещающие отдых и домашний уют.

– Вот так мы будем с тобой возвращаться домой, когда кончится война, – сказал я. Маруся тесно прижалась ко мне. Улица в этот не поздний ещё час была уже совершенно безлюдна: по случаю ударной работы на мосту вечеринка была отменена.

Мы вышли на пригорок, на котором стояла школа. Влажный весенний воздух шевелил наши волосы. Из-за туч, медленно ползущих по небу, временами проглядывала луна. Где-то внизу, смутно угадываемое, тихо плескалось озеро.

Внезапно от амбара, стоявшего прямо на улице, недалеко от нашего дома, отделилась тёмная фигура. Что-то угрожающее почудилось мне в этом медленно приближавшемся к нам человеке, за которым тянулась длинная тень. Мы остановились на освещённом луной месте, не доходя до амбара.

– Это ты, Андрюха? – спросила Маруся, когда фигура была от нас всего в нескольких шагах. – Что это ты вздумал среди ночи гулять? Я так даже испугалась, думала чужой кто.

– Вас-то мне и надо, – хрипловатым голосом заявил Андрюха, подходя к нам вплотную. Теперь я также узнал его. Это был дюжий парень лет двадцати по фамилии Волков. Сильно вытянутое книзу лицо придавало ему сходство с борзой собакой. От волка, у которого он заимствовал фамилию, у него был только хмурый недоверчивый взгляд исподлобья.

– А ну ка, расскажи, лейтенант, как ты с Маруськой будешь жениться? – продолжал он угрожающе. – Может, политрук над вами молитву прочитает? А потом в вещевую книжку запишет? Так знай, не бывать этому обману! Я не дам наших девок позорить!

В руке у Андрюхи появился нож. Я приготовился к отпору, но Маруся опередила меня. Встав между мною и парнем, она схватила его за руку и быстро овладела ножом.

– Чего это ты расхотелся? Заступник нашёлся! – прикрикнула она. – Никакого обмана нет и не будет! И насчёт вещевой книжки лейтенант сам все разъяснил. А тебя я спрашиваться не стану, захочу – и в книжку запишусь... Только вот жених не хочет, – добавила она, печально усмехнувшись.

– Что же ты за свой пистолет не хватаешься? – закричал в иступлении обезоруженный парень. – Давай, веди меня в свой штаб. Дескать, захватил и обезоружил власовца!

– От пистолета мне пользы будет мало, он у меня не заряженный. Колька, прохвост, повалился с моим пистолетом баловаться, так я от беды подальше разрядил его.

– Смело ты ходишь! А ежели встретишься с вражеской агентурой? Думаешь, в наше село никто наведаться не может? На часовых то ваших не больно надейся.

Замечание было правильным, и я не стал возражать, тем более что в словах Волкова мне почудился скрытый намёк, говорящий скорее в его пользу. Напряжение от стычки, пресечённой столь своевременным вмешательством Маруси, уже спало, и я спокойно спросил:

– Ты что же, Андрюха, действительно у власовцев был? Андрюха досадливо махнул рукой:

– Было дело, черт меня попутал! Да и деваться было некуда. Забрали меня немцы вместе с другими нашими, отвели в районный город: сидим, ждём. Начали

понемногу сколачивать колонну для отправки в Германию. А мне туда ехать здорово не хотелось! Думаю: убегу! Да куда бежать то, кругом враги! Приходят к нам как-то двое русских, один, видать, офицер. Спрашивают: «Кто хочет послужить Родине в рядах ополчения славного генерала Власова?» А я о таком и не слышал. Дай, думаю, попробую, хуже не будет. Отвели меня и ещё трёх парней в барак, покормили, тёплую одежду дали. Стали военному делу учить. Говорят: «Мы вас включим в карательный отряд против партизан и непокорных». Присмотрелся я к моим новым друзьям, тем, которые раньше в отряд попали: пьянствуют, с девками балуются, над пленными или всякими «подозрительными» измываются. Жутко и противно мне стало, сбежал я; в лесу нашем схоронился. Домой ночью заходил, хлебом разживиться. Так и остался в нашем селе, видно забыли обо мне дружки мои.

Андрюха помолчал и спросил нерешительно, видно этот вопрос был для него очень важен и мучил его уже давно:

– Что теперь будет мне от Советской власти?

Я поразмыслил немного и ответил уверенно:

– Думаю, что ничего тебе не будет. Вина за тобой есть, да не так уж она велика. Начнёт действовать в районе Советская власть, будет проведена мобилизация в Красную Армию и тебя призовут. Война ещё не так скоро кончится. Искупишь свою вину и станешь полноправным Советским гражданином. Только не нужно ничего скрывать из своего прошлого!

Андрюха повеселел:

– Ты на меня не сердчай, что я на тебя с ножом полез! Очень мне обидно стало за Маруську. Ведь мы с ней одноклассники, два года за одной партией сидели.

Маруся вернула парню его нож. Мы пожали друг другу руки.

– Я насчёт тебя ещё с капитаном Немыцким потолкую, – пообещал я на прощанье. – Он у нас все законы точно знает. Да ты сам к нему подойди, он человек простой.

Когда рано утром следующего дня мы собрались, как обычно, в доме Немыцкого, состоялся настоящий военный совет.

– Сколько времени можно сидеть в этой норе? – хорохорился Каликин. – Нас ждут боевые действия, а мы прилипли к женским юбкам! – Он неприязненно посмотрел на меня. Я и раньше догадывался, что Каликин мне завидует: видно, поповны его не слишком радовали.

– Мост был закончен только вчера вечером, – спокойно возразил Калашников. – Теперь мы можем в любой момент тронуться в путь. Но куда?

– Нужно сначала провести разведку, выяснить, где находится наш дивизион, – подал голос Немыцкий. – Может быть, послать старшину для установления связи?

– Старшина ничего не сделает, нужно послать офицера, – заявил твёрдо Каликин, посмотрев на меня. Намёк его был вполне понятен. Нужно сказать, что наш начальник штаба был очень высокого мнения о своих мужских достоинствах и не сомневался, что устранив меня со своего пути, он быстро добьётся благосклонности Маруси.

Калашников ясно понял, кого имел в виду Каликин. Он сложил губы трубочкой и возразил:

– Отрывать Новикова от его невесты, которую мы же ему и сосватали – это бес-

человечно! Если кому и следует ехать, то именно вам, как офицеру непосредственно связанному с командованием дивизиона.

Каликина передёрнуло от злости, его лицо ясно показывало обуревавшее его чувство негодования. Грозил разразиться крупный конфликт. Меня неприятно поразили замечания моего скрытого соперника, показавшиеся мне очень несправедливыми, но я почувствовал, что ехать на разведку придётся именно мне.

– Что делать, я поеду, если выбор пал на меня, – скрепя сердце промямлил я.

– Не чувствую бодрости и энтузиазма в голосе лейтенанта Новикова, – съязвил Немыцкий, – Поезжай спокойно, мы с Каликиным здесь присмотрим за твоей Марусей.

Моё согласие всех устраивало. Ехать одному было рискованно, поэтому меня должен был сопровождать решительный и многоопытный сержант Григорьев. До шоссе мы должны были доехать верхом в сопровождении старшины и двух разведчиков – кстати, нужно было осмотреть всю дорогу. По шоссе нам предстояло двигаться на попутных машинах, а затем действовать сообразно с обстоятельствами. Предполагалось, что на всю поездку у нас уйдёт не более суток.

Каликин занялся оформлением документов, а я пошёл попрощаться с Марусей. Расстроенная девушка, преодолевая горечь первой разлуки, занялась сборами. Она быстро заполнила объёмистую холщовую сумку всеми продуктами, которые оказались под рукой. В неё попали краюха хлеба, кусок варёного мяса, крутые яйца, сушёная рыба, солёные огурцы...

– Едешь на день, бери продуктов на неделю, – сквозь слезы улыбнулась она на прощанье.

До большака мы доехали без происшествий за два часа. Здесь нам предстояло расстаться: мы с Григорьевым вышли на обочину шоссе в ожидании попутной машины, а старшина с разведчиками повернули в Заозерье.

Совершенно сухое и даже пыльное уже шоссе, не ремонтировавшееся, по-видимому, с довоенного времени, серой ленточкой уходило на северо-запад. Солнце стояло уже высоко на безоблачном небе и нам, в наших шинелях, было нестерпимо жарко. Нам пришлось прождать около часа, пока не появилась потрёпанная полуторатонка. В кузове на каких-то ящиках сидело четверо солдат. Мы присоединились к ним, судорожно цепляясь за борта, когда машина дико встряхивалась, проскакивая через рытвины. Проехав километров пятнадцать, мы остановились у контрольно-пропускного пункта. Я предъявил свои документы и выяснил у дежурного, что штаб нашей дивизии находится впереди, километрах в сорока от пункта.

Через час на той же машине мы добрались до большой деревни, сравнительно хорошо сохранившейся: в ней было десятка полтора домов, не пострадавших от бомб и пожаров. Никто из встреченных мною бойцов не мог сказать толково, в каком из них находится штаб. Я рискнул войти в один из домов, показавшийся мне наиболее перспективным для расположения штаба. Навстречу мне вышел младший лейтенант без фуражки и заявил, что «хозяин» спит и приказал никого к нему не пускать. Он же указал мне на дом, стоявший наискось через дорогу, где можно было навести нужные справки. Ещё подходя к указанному дому, я услышал издали стук пишущей машинки. В самой избе, кроме столика, за которым сидела машинистка в форме старшего

сержанта, находился ещё один стол побольше. Возле него, нанося какие-то пометки на карту, стоял согнувшись и облокотив локоть на стол старший лейтенант, показавшийся мне знакомым. Я отрапортовал ему о цели своего прихода.

– А, Новиков, – ответил он радушно, – как ты сюда попал? Мы уже считали, что ваша батарея затонула в болотах.

Теперь я окончательно вспомнил этого штабиста. Его фамилия была Родичев, зимой мы с ним жили несколько дней в одной землянке при проведении подготовки к наступательной операции, окончившейся, нужно сознаться, безрезультатно.

У Родичева была хорошая память: он помнил не только меня, но и сержанта Григорьева, который добывал ему обеды, когда он зимой гостил в батарее. Как часто бывает, продовольственный аттестат у Родичева оказался просроченным задолго до конца операции. Теперь он посчитал нужным отблагодарить нас и повёл в соседнюю избу, где помещалась офицерская столовая.

После обеда Родичев отвёл меня к начальнику артиллерии дивизии. Тот выслушал мой рапорт, показал на карте расположение нашего дивизиона и распорядился:

– Отправляйтесь в свою батарею и передайте приказ немедленно выступать для соединения с дивизионом. Григорьева пока оставим здесь для связи.

Такое решение меня вполне устраивало. Я рассчитывал ещё засветло вернуться в Заозерье и провести последний вечер с Марусей. Родичев посадил меня на путную машину и через час я снова был на знакомом уже мне контрольном посту.

За то время, пока я ездил в штаб, состав команды на контрольно-пропускном пункте успел смениться. Проверяя мои документы, дежурный заявил:

– Ваше командировочное предписание составлено по устаревшей форме, которая отменена. Вам придётся подождать, пока приедет начальник поста и наведёт нужные справки.

Меня отвели в соседнее помещение – небольшую клетушку, в которой находился только стол и широкая скамья, отобрали пистолет и предложили «располагаться как дома». Этот неожиданный поворот судьбы наполнил моё сердце горечью досады. Казалось, все складывалось так удачно: я успешно и быстро выполнил сложное задание, меня отделяло всего километров тридцать от дома, где находилась ожидавшая меня девушка, и мне так много ещё нужно было сказать ей на прощанье. И вот – такая неприятная задержка!

Началось томительное ожидание. Моя стража снабдила меня чайником с горячей водой и стаканом. Продукты у меня были, так что мне не грозила смерть от голода. Я немного успокоился, перепробовал все закуски, которыми снабдила меня Маруся, вытянулся на скамье и неожиданно заснул.

Я проснулся от того, что меня кто-то крепко тряс за плечо. Было совершенно темно. Я сел на скамью, чувствуя, что справа и слева от меня поместились неизвестные мне люди. Незнакомый, чуть хриловатый голос откуда-то передо мной предложил мне подробно рассказать о себе, о батарее и об обстоятельствах, приведших меня на контрольно-пропускной пункт. Когда я начал, неожиданно яркий луч сильного электрического фонарика ударил мне прямо в лицо, так что я болезненно прищурил глаза. Так же внезапно фонарик был выключен, и комната оказалась снова

в ещё более плотной темноте. Я продолжал свой рассказ, причём время от времени меня снова подсвечивали фонариком. Потом начались быстрые перекрёстные повторяющиеся вопросы, на которые я едва успевал отвечать. Когда я упомянул, что в нашем дивизионе в качестве замполита служит капитан Немыцкий, то это вызвало неожиданный интерес. Меня подробно расспросили о его биографии, внешности, привычках и о многом другом. Я отвечал довольно уверенно, так как успел хорошо изучить моего друга.

Наконец, допрос окончился, и на стол водрузили керосиновую лампочку. Я увидел справа и слева от себя молодых бойцов без погонов, спереди на табуретке восседал бледный сухощавый офицер. Я уже давно догадался, что оказался в поле зрения представителей Особого отдела.

– Лейтенант Новиков, – объявил мне старший группы. – У нас нет сомнений в правдивости вашего рассказа, но перед тем, как вас отпустить, мы должны получить разрешение нашего начальника. Дело в том, что в нашем районе объявились власовцы. Назначен усиленный контроль, а ваша документация не соответствует действующим на данный момент правилам. Придётся ещё потерпеть! Кстати, что у вас в сумке?

Я извлёк припасы, заготовленные заботливой Марусей. Увидев солёные огурцы, старший из особистов крякнул от удовольствия:

– Ого, а они не отравленные?

Вместо ответа я взял самый большой огурец и лихо откусил половину. Все немедленно принялись за угощение.

– Придётся в донесении указать отменное качество засола огурцов, – пошутил один из особистов. – Нас подняли по тревоге и не дали никаких продуктов, так что ты спасёшь нас от голодной смерти.

– Надеюсь, это зачтётся мне во искупление моей вины, хотя в чем она – я так и не понял, – ответил я.

Остаток ночи прошел спокойно. Утром я услышал шум: подъехала машина. Оказалось, однако, что в ней не было ожидаемого мною с нетерпением начальника, а лишь горячий завтрак. Особисты дали мне котелок супа и снова заставили ждать. Лишь во второй половине дня пришло распоряжение отпустить меня.

– Не горюй, Новиков! – запросто обратился ко мне исполнившийся симпатией к безвинному страдальцу один из команды. – В благодарность за твои огурцы я повезу тебя до дороги в твоё Заозерье. А дальше топай пешком к своей Марусе!

ГЛАВА VII

Я оттопал положенные километры – по-моему, их оказалось не пятнадцать, а двадцать с гаком. Вскоре после того как я свернул с большака на дорогу в Заозерье вдали на пригорке замаячила церковь. Однако солнце уже клонилось к закату, когда за поворотом дороги показалось само село. Моё сердце радостно забилося, как если бы я после долгой разлуки спешил домой. До деревни оставалось не более километра, я ускорил шаги. Вдруг с земли поднялась и побежала навстречу мне Маруся. За ней вразвалку, с ухмылкой шагала Андрияха.

– Куда ты пропал? Уж я извелась с тоски, думала не случилось ли чего, – взволнованно прошептала Маруся, прижимаясь мокрой от слез щекой к моей груди.

Я коротко рассказал моим друзьям о приключениях последних двух дней.

– У нас здесь большие перемены, – сообщил Андрюха. – Вчера после обеда прибыли студебекеры с Григорьевым. Всех людей и снаряжение погрузили на машины и батарея уехала. А сегодня рано утром в селе появились шесть человек бойцов и два офицера. Заняли два дома – тот, где Немецкий стоял и Глафириных. Походили по селу, сказали что на заготовку продуктов присланы из своей воинской части. Все одеты по форме, только это не красноармейцы. Одного офицера я точно помню: когда был у власовцев, в отряде его видел. У него шрамик маленький, но приметный – под левым глазом. Похож на родимое пятнышко, да видно, что это не родимое пятно, а заживший порез.

– Лидию Митрофановну или другого кого не обидели? – с беспокойством спросил я.

– Только Стёпку-знахаря забрали и в «холодную» посадили. Сказали, нужно выяснить чего-то насчёт его делишек по части поставок продовольствия партизанам, – ответила Маруся.

– Какие там делишки! Пристрелят они его, – уверенно возразил Андрюха. – Я так думаю, что была у них связь с нашими деревенскими. Вот хоть Федька Беспалый: я давно замечал, что он в лес по ночам бегает, на охоту вроде. Только он с охоты никогда и ничего не приносил.

– Тебе нельзя в деревню заходить, застрелят они тебя! – с тоской прошептала Маруся.

– Чего им меня убивать? Только себя выдадут! Да кроме того у меня пистолет, теперь заряженный – похвастался я.

– У тебя пистолет, а у них автоматы. Дадут очередь – и точка. Да ещё помучают сначала, на это они большие спецы. Маруся правильно говорит: тебе нельзя идти в деревню! – твёрдо возразил Андрюха.

– Конечно нельзя! Я сбегая домой, продуктов тебе соберу, да ещё бинокль твой у нас остался, на стене висит. Воронов, когда собирал твои вещи, в спешке не доглядел.

– А как же дядя Степа? Ведь за его жизнь нам отвечать придётся! Может быть можно его освободить?

Андрюха задумался:

– Камера, где он сидит, ещё до революции была построена, ей наверно сто лет. Сложена из кирпичей, стены толстые, на окне решётки. Дверь дубовая, солидная. Замок амбарный огромный, его не собьёшь.

– Замок-то велик, да весь проржавел, – вмешалась Маруся. – Да сбивать-то нельзя, шуму наделаем на всю деревню.

– А я про что говорю? Если только ломом поддеть под щеколду – может петлю с лапками вытянем.

– И то правда, – согласилась Маруся. – Петля-то наверно проржавела тоже, авось сломается.

Я был доволен, что мои друзья безоговорочно согласились попытаться освободи-

доть старого партизана. Они провели меня по слабо обозначенной тропинке к берегу озера у окраины села, и оставили в укромном месте. Андрюха пошёл за ломом, а Маруся, захватив свою холщовую сумку, побежала за новой порцией продуктов и биноклем, который, как она знала, записан в пресловутую вещевую книжку.

Я уселся на колоду в нескольких шагах от берега и прислушался. В селе было непривычно тихо для этого ещё не позднего времени. Когда наша батарея стояла здесь, к вечеру оно шумело молодыми звонкими голосами. Сейчас Заозерье, казалось, притаилось в предчувствии неведомой опасности. Взошла луна, через гряды облаков пробилась её лучи и дрожащие блики побежали по серебристой дорожке от моих ног куда-то в призрачную даль. Старая ива справа за спиной у меня наклонилась к воде, погрузив в неё свои сухие голые ветви, словно надеялась напоить их животительной влагой. Лёгкий ветерок, дувший с озера, доносил запах тины, в изобилии оставленной спавшей после паводка водой.

Мне показалось, что кто-то приближается. На всякий случай я расстегнул кобуру и подготовил пистолет к стрельбе. Скоро я смог различить лёгкие шаги: это была Маруся.

– В селе все спокойно, – сообщила она. – В тех домах, где стоят власовцы, горит свет, но на улице никого не видно.

– Подождём Андрюху?

– Он придёт прямо к кутузке со своим ломом, – возразила Маруся, – Договорились на одиннадцать часов, раньше опасно – может кто выйдет, увидит и тревогу поднимет.

– Ну что же, посидим немного.

Девушка уселась на колоду рядом со мной. Я обвил рукой её стан. Под моей ладонью гулко стучало её сердце.

– И рада, что ты пришёл, и боязно мне за тебя, – прошептала она.

– Расскажи, как ты вчера время проводила без твоего драгоценного лейтенанта, – попробовал я пошутить.

Маруся оживилась:

– Только успел ты уехать – заявили к нам Каликин со старшиной. Выпивку принесли, мама им закуску на стол поставила. Все меня угощали, да не хотелось мне с ними гулять.

— Вот любители дарового угощения! При мне то они не приходили, стеснялись видно.

– Дело не в угощенье, они свататься пришли. Так и объявили: лейтенант Новиков жениться не хочет, а вот Каликин готов хоть сейчас расписаться. Сыграем свадьбу и все будет в порядке.

– Вот уж не ожидал я от Каликина такой прыти!

– Слушай, что дальше было, – захихикала Маруся. – Полез Каликин ко мне целоваться. Ну, я девка не дура, сгребла его в охапку и под стол засунула. Смотрим – только ноги торчат в хромовых сапогах. Смеялись мы все до упаду, даже старшина удержаться не мог. А Каликин вылез злой, красный: «Это, – говорит, – я тебе никогда не прощу!» С тем и ушёл.

Я представил себе описанную Марусей сцену и расхохотался.

– С тобой шутки плохи! Пожалуй, когда мы поженимся, ежели я тебе не угрожу в чем-нибудь, ты и меня под стол отпратишь.

– Ну, что ты! Я жена буду послушная. Вот я тебе покушать принесла, – засуетилась Маруся, смущённая и обрадованная моей репликой. Она развернула узелок. В нем кроме известной мне холщовой сумки оказался горшочек.

– Вот я тебе овсяного киселя принесла. Мама сготовила, думала ты к нам зайдёшь.

Маруся протянула мне ложку. Признаться, я никогда раньше не ел овсяного киселя, только слышал и читал о таком старом русском кушанье. Несмотря на необычность обстановки, я воздал должное кисловатому, но показавшемуся мне очень приятным блюду. Маруся была довольна тем, что я оценил её заботливость. Я заставил её также съесть несколько ложек киселя.

– Теперь мы с тобой муж и жена, – пошутил я. – У некоторых африканских племён есть такой обычай, что как только парень и девушка поедят из одной тарелки одной и той же ложкой, так они и считаются супругами.

– Куда это ты клонишь, – засмеялась Маруся. – Я хочу настоящую свадьбу, а ты мне подсовываешь свадьбу по-африкански!

Да, Маруся была девушка с непреклонным характером!

Приближался срок, намеченный для нашей рискованной операции. Мы осторожно поднялись и пошли по направлению к камере, которая находилась недалеко от церкви, ближе к околице села. Возле камеры нас уже ждал Андрюха с ломом. Видно мы не совсем удачно рассчитали время сбора. Ровно в одиннадцать часов отворилась дверь дома Глафириных, хорошо просматривавшаяся со стороны камеры, и в светлом пятне появились две тёмные фигуры. Легко было догадаться, что власовцы решили обойти село, желая убедиться, что все спокойно. Мы быстро отползли к сваленным неподалёку старым брёвнам и укрылись за ними.

Власовцы медленно двинулись по селу. В темноте красными точками светились их папиросы. Иногда они подсвечивали электрическим фонариком землю под ногами, заботясь, по-видимому, не столько об обнаружении злоумышленников, сколько о том, чтобы не споткнуться о какую-нибудь кочку. Вот они подошли к камере, проверили запоры и медленно направились обратно. В нашем убежище мы хорошо слышали все, о чем они говорили.

– Хорошо бы пожить здесь с недельку, – произнёс один из власовцев, судя по голосу, совсем молодой ещё парень. – Село спокойное, жратвы вдоволь и девок хватает. Мне давно надоело по лесам и болотам скитаться.

– Тебе бы только жратва да девки! – Возразил второй, более пожилой. – Надо приказ выполнять! Вот хлопнем этого партизана, глядишь лейтенант подойдёт, тот, что с Маруськой Родниковой путается. Захватим его – вот это будет дело! Не стыдно будет и сматываться тогда за линию фронта.

– Я слышал, к нам ещё Орешек со своей группой должен присоединиться?

– У них своё задание, так что меньше чем за три дня им не управиться. Да и опасное у них дело, провалиться могут.

– А сюда не зайвится какая-нибудь проверка?

– Пусть явятся, нам не в первой: документы у нас в полном порядке, придратья не к чему.

– Все-таки хорошо бы поскорее смыться отсюда, – меланхолично признался в своей трусости молодой власовец, забыв, что несколько минут назад мечтал с недельку пожить в Заозерье.

Наши враги удалились. Мы ждали, пока они не войдут в свою избу. Все, казалось, было спокойно. Мы выбрались из убежища и подошли к камере. На несколько минут услужливо выглянула из-за облаков луна, и при её свете я увидел низенькую дверь, внушительный по размерам ржавый замок и столь же ржавую щеколду. Поддев под неё конец лома, Андрюха изо всех сил нажал на него, но запор не поддался.

– Дай, я попробую, – прошептала Маруся. Она упёрлась ногой в дверь камеры, обеими руками ухватилась за конец лома и вся напряглась. Мы с Андрюхой также ухватились за лом. Петля немного сдвинулась. Поддевая лом то сверху, то снизу, мы раскатали петлю. Ещё несколько усилий и петля со скрипом поползла из старого, но ещё очень крепкого косяка. Увлечённые успехом, мы не рассчитали усилий, петля неожиданно выскочила или отломилась, и мы все рухнули на землю, причём у меня больно подвернулась нога. Вся операция по взлому запора заняла не более трёх минут.

Маруся открыла дверь и негромко позвала:

– Дядя Степа, выходи побыстрей!

– Это ты, Маруська? – отозвался Разин. Он, не мешкая, выбрался из камеры, поздоровался со мной и Андрюхой за руку и попросил закурить.

– Очень сырость меня проняла в этой кутузке, – пожаловался он.

– Какое тебе курево! На вот кисет и спички и сматывайся вместе с лейтенантом из деревни. В селе власовцы, или не понял ещё? – Наставительным тоном ответил Андрюха. Все мы, конечно, были рады блистательному завершению операции по освобождению Разина, но для Андрюхи, как я догадался, это был и первый серьёзный шаг по его реабилитации.

– Замёрз я очень в этой яме, извиняющимся тоном ответил Разин.

Андрюха, не говоря ни слова, снял свою ватную куртку и надел её на старого партизана.

– Спасибо, ребята, что освободили меня! Век не забуду, за все спасибо, – растрогался Разин.

Медлить было нельзя. Андрюха воткнул петлю в её гнездо, так что при беглом взгляде весь запор выглядел как нетронутый. Мы распрощались: Маруся и Андрюха крадучись стали пробираться по домам, а Разин и я выбрались за околицу. Нога у меня сильно болела. Разин заметил мою хромоту и спросил, что со мной. Присев на землю, я снял сапог. Разин ощупал больное место.

– У тебя небольшой вывих, – заявил он. Уверенным движением старый лекарь вправил сустав, я только охнул от боли. – В таком виде тебе до большака не дойти. Сейчас доковыляем до моего шалашика, тут у меня в лесу есть потайное место. Отдохнёшь, нога подживёт и пойдёшь себе версты считать.

Мы шли сначала по тропинке, а потом свернули на потонувшее в густом тумане болото. К счастью, луна выглядывала время от времени из-за облаков и освеща-

ла нам путь. Разин двигался уверенно, опираясь на свою дубинку, видно эта дорога была ему хорошо знакома. Я ковылял за ним, также опираясь на подобранную на земле палку. Мы шли, петляя между кочками, часто меняя направление, перешагивали через канавы, полные темной водой, в которой отражались звезды, хлюпали по лужам. Постепенно местность начала повышаться, по сторонам замелькали невысокие деревья. Наконец, мы вошли в густой молодой осинник и, с трудом продираясь через него, добрались до шалаша, покрытого полуистлевшими ветками.

– Вот моё убежище, с гордостью заявил Разин, – от деревни недалеко, а никто нас здесь не найдёт. Залезай внутрь и спи. Я-то уж в каморке выпался, так что посторожу.

Я последовал совету моего провожатого, ползком забрался в шалаш и растянулся на старой прелой траве.

ГЛАВА VIII

Было часов семь, когда Разин растолкал меня. Я выбрался из шалаша, протирая заспанные глаза. Меня оглушил птичий гомон: не обращая на нас с Разиным внимания, мелкие пичуги носились туда и сюда по своим весенним делам, щебеча на все голоса. Ярко разукрашенная сорока, сидя на суку, блестела на солнце всеми своими пёрышками. Увидев меня, она быстро заверещала, возмущаясь вторжением чужака в её владения. На выбивавшейся из земли зелени сверкали росинки, и весь луч впереди был, казалось, осыпан микроскопическими алмазными призмочками, радужными цветами украшавшими преломившиеся в них солнечные лучи. По небу лёгкой стайкой плыли кудрявые облачка. Я вспомнил о своей ноге: она почти не болела.

– Видно ты, Степан Тимофеевич, когда вправлял мне вывих, то пошептал заветные слова, – попробовал я пошутить. – Нога то у меня прошла!

Дядя Степа не разделял моего приподнятого настроения. Он показал рукой на движущиеся в отдалении фигуры, просматривавшиеся между тонкими деревьями укрывавшего нас осинника. Я поднёс к глазам бинокль: это были два солдата и офицер. Впереди группы бежала собака: я узнал гордость моего спутника – Аполлона.

– Зря я вчера похвастался, что не найдут нас на этом болоте, – сокрушённо произнёс Разин. – Кто-то надоумил этих стервцов моего Аполлошу взять за проводника. Уж он-то все тропки лучше меня знает. А что с него взять? Ему сказали: ищи хозяина; он и ведёт их прямо на нас.

По прямой до наших преследователей было немногим более километра. В бинокль я хорошо видел всю группу. Руководил движением Аполлон. Его бодро поднятый хвост, согнутый в кольцо, свидетельствовал о том, что пёс находится в прекрасном настроении. Ещё-бы: он выполнял ясную для него задачу – поиска запропавшего хозяина. Свежие следы и запахи исключали всякие сомнения в правильности выбранного пути, и Аполлон неторопливо бежал, увлекая за собой всю группу. Иногда он останавливался около особо заметной кочки или пенька, исполненный чувства собственного достоинства поднимал заднюю лапу и оставлял метку.

За Аполлоном также неторопливо и деловито шагали власовцы. У них тоже была ясная цель – обязанности палачей были им, несомненно, хорошо известны.

Вскоре они пристрелят старого партизана, насолившего им за годы оккупации края немцами, а заодно и случайно попавшего в ловушку Советского лейтенанта. Они выполнят свои обязанности с удовольствием: предварительно будут издеваться над нами, терзать наши тела, может быть, выколуют глаза, а потом прикончат и получат за это одобрение начальников и деньги. Жгучая волна ненависти захлестнула моё сознание, я постарался подавить её.

– Через двадцать минут они будут здесь, – вслух резюмировал я обстановку.

– Надо бежать, – довольно хладнокровно отозвался Разин. Видно, ему было не впервой попадать в такие переделки.

– Выберем место поудобнее и примем бой, – заявил я. – У меня пистолет и две обоймы патронов.

– Что ты сделаешь со своим пистолетом! – пренебрежительно отмахнулся от меня партизан. – Недалеко речка, а на берегу у меня плоскодонка припрятана.

– Успеем добежать? – Спросил я, вспомнив о хромоте моего спутника и своей больной ноге, которая вдруг заныла.

– Здесь недалече, – успокоил он меня.

Мы побежали, придерживаясь течения небольшого ручейка, который становился все более полноводным, то уходя куда-то в чащу кустов, то снова подкатывая нам под ноги свои журчащие струи. Местность становилась все более заболоченной, кругом зияли обширные ямы, заполненные ржавой водой. Кое-где через канавы были переброшены жёрдочки – без них пришлось бы брести в холодной воде. Я хотел было снять их в одном месте, чтобы затруднить путь власовцам, однако Разин коротко сказал: «не надо!» и мы побежали дальше. Впереди уже видна была река с топкими берегами, испещрёнными глубокими бочажками. Наш путь преградил длинный рукав – он протянулся вдоль берега реки, и обойти его казалось невозможным. К счастью, через рукав был перекинут примитивный мостик из двух жёрдочек. Разин, не раздумывая заковылял по нему, ловко манипулируя своей палкой. Когда он был уже на другом берегу, я не без опаски вступил на качающиеся и прогибающиеся жёрдочки, поглядывая на мрачную чёрную воду подо мной.

– Гиблое место, трясина, – коротко пояснил Разин, подавая мне руку и помогая сойти с шаткого мостика. – Вот здесь мы и устроим им холодную баню. А то посадили, сволочи, старого человека в сырую кутузку, а теперь пристрелить собираются...

Мы вытащили жёрдочки на берег и, вставив их по очереди в развилку росшей вблизи берёзы, осторожно надломили посередине. Затем уложили на прежнее место. Теперь я уразумел коварный план старого партизана: увлечённые погоней, власовцы побегут по сломанному мостику и рухнут в глубокую трясину. А пока они выберутся, мы будем уже далеко.

На берегу реки, в кустах, тщательно замаскированная ветками и камышом, нас ждала утлая лодочка. Когда мы разместились в ней – я на вёслах, Разин на корме, – она осела так глубоко, что казалось, вода польётся через борта. Осторожно гребя, мы отъехали метров на двести от берега и спрятались за небольшим островком, заросшим кустами.

Минут через десять показались наши преследователи. Впереди бодро и уверенно бежал Аполлон. Он благополучно миновал мостик и помчался к тому месту,

где мы погрузились в лодку. Не видя хозяина, он в недоумении сел на берегу и затаивался. Вслед за Аполлоном на расстоянии нескольких шагов один от другого бежали офицер и солдаты. Тот, кто был впереди, ещё не достиг до середины мостика, когда второй в нетерпении также вступил на шаткие жёрдочки. Мостик, конечно, рухнул, и оба власовца оказались в воде. Они барахтались, пытаясь выбраться из трясины, цеплялись за скользкие расплзающиеся кочки с клоками старой травы, не выдерживавшей усилий пытавшихся ухватиться за неё рук. Третий боец, оставшийся ещё на сухом месте, осторожно подошёл к краю трясины, встал коленями на кочку и, удерживаясь одной рукой за чахлый куст, другую протянул тонущим сподвижникам. Один из них, кажется офицер, ухватился за руку товарища, пытаясь выбраться на берег. Но в этот момент второй обеими своими руками вцепился в плечи находящегося на пути спасения власовца. Кочка, на которую опирался солдат на берегу, не выдержала и вместе с кустом и находящимся на ней власовцем поползла в воду. Теперь все трое оказались в трясины. Прошло несколько тягостных минут. Наши враги уже не пытались выбраться на берег, а лишь стремились, делая судорожные движения руками, удержаться на поверхности воды. В борьбе за сохранение своей жизни каждый из них топил другого и вскоре все трое оказались под водой. По поверхности трясины некоторое время ещё расходились круги, да поднимались со дна пузыри. Потом все успокоилось и зловещая тёмная гладь, казалось, затаилась в ожидании новых жертв.

– Самая подходящая смерть для таких сволочей, – резюмировал Разин. На него ужасная сцена, свидетелями которой мы стали, похоже, не произвела большого впечатления. Впрочем, я в бинокль видел гораздо более чётко все детали гибели наших преследователей.

Мы подъехали к берегу, где Аполлон изнывал в ожидании встречи со своим обожаемым хозяином. Пёс в нетерпении прыгнул в перегруженную лодку, отчего она едва не перевернулась. Теперь все было в порядке: верный Аполлон просунул свой нос между коленями Разина и замер в позе, выражающей полное удовлетворение. Действительно, он выполнил свой долг, нашел хозяина, они были вместе, а все остальное его не интересовало. Мы с Разиным были не в столь радужном настроении. Конечно, нам удалось избежать смертельной опасности, но вид засасываемых в трясины людей, пусть врагов, оставил тяжелое впечатление в нашем сознании.

Наша лодка бесшумно скользила по темной болотной реке, замкнутой низкими берегами. Кочки, заросли низкорослого кустарника, большие и малые озерца простирались без конца и справа и слева. Наконец мы приблизились к озеру. Река широко разлилась, смешивая свои тёмные воды с голубыми рассыпчатыми волнами озера. Мы довольно долго продвигались вдоль берега озера, удаляясь от села, где нас могли подстергать новые опасности. Мы миновали мысок и въехали в маленькую бухту. Разин решил, что здесь уже можно высадиться, и мы причалили к заросшему старым и свежесформировавшимся камышом берегу. Я выпрыгнул и втащил плоскодонку на сухое место.

– Пора бы закусить, – промолвил Разин. Я вспомнил, что он терпел голод уже второй день. Расположившись на пригорке, мы воздали должное заготовленным Марусей припасам.

– Заботливая девка, – с удовлетворением отметил Разин, когда мы все трое немало удовлетворили свой аппетит. – Чего ты не женишься на ней? Хозяйка хорошая, дом у неё будет – полная чаша, детишек тебе народит, пусть бегают.

Я промышал с набитым ртом что-то неопределённо-утвердительное. Дядю Степу, по-видимому, это не удовлетворило.

– Житуха здесь привольная: на охоту будем с тобой ходить. Парень ты правильный, хоть и чудак. Я тебя всем хитростям нашего дела научу.

– Не люблю я летающую и бегающую тварь лишать самого дорогого, что у неё есть – её жизни, – возразил я.

Разин подскочил в восторге:

– Вот и я тоже самое говорю. Стреляю я только когда приспичит, с голодухи живот подведёт, тогда уж не думаешь ни о чем другом, только бы голод утолить. А так я иной раз подкрадусь к глухарю или другой какой птице, посмотрю на неё: все пёрышки у неё на месте, сидит на суку и радуется жизни и славит её своим птичьим языком. Постоишь с ружьём, поддержишь эту птаху на мушке, а курок спустить духу не хватает. Так и уйдёшь ни с чем, хоть и стыдно перед Аполлошкой, что ничего не добыл. А зато на душе хорошо, светло.

Разин помолчал немного, радостно улыбаясь, словно вспомнил что-то приятное.

– Ты не думай, что у нас условия здесь будут против городских похуже. Чего тебе не хватает, тёплого туалета? Так мы тебе дом построим со всеми удобствами: живи, пользуйся.

Разин довольно захохотал.

– Учителем будешь: Лидия Митрофановна на тебя уже нацелилась, а у неё хватка жёсткая. Ты подумай: после уроков выйдешь из школы – кругом приволье. Я бы десять городов за одно наше озеро не взял.

Старый партизан сделал ловкий ход: действительно, озеро расстиралось перед нами во всей своей красе, улыбаясь яркому солнцу и синему небу, словно красавица, уверенная в своей привлекательности, но жаждущая все новых и новых знаков обожания. По темно-синей поверхности белыми чайками летели гребешки волн, рассыпая блёстки солнечных лучей. Вдали, скрытый лёгкой дымкой, угадывался противоположный берег, казавшийся отодвинутым в бескрайние просторы заболоченной местности. Свежая зелень прямо на глазах выбивалась из тёплой сырой земли, росла и блестела, наполняя воздух запахами, которые когда-то были родными и близкими, потом забылись и теперь будили смутные воспоминания и расплывчатые мечты. Я лёг на спину, слушая трели жаворонка, взмывшего в недосягаемую высоту, к самым облакам, медленно пересекающим купол неба. Казалось, то не облака, а века и тысячелетия проносятся над этим затерявшимся в недрах России старым и вечно молодым озером. Я лежал на земле – родной земле, политой потом и кровью моих далёких соплеменников. Она их кормила – эта земля – и они любили её и защищали от захватчиков. Теперь пришёл мой черед!

Пора было вернуться к суровой действительности. Разин проводил меня до тропинки, выходявшей на знакомую уже мне дорогу. На прощанье мы обнялись.

– Передай привет Марусе! – весело закричал я, – скажи ей – пусть ждёт меня, я

непрерывно вернусь. Андрюхе помоги выйти на правильный путь. А с тобой мы ещё побродим по здешним лесам.

Выйдя на вершину холма, я оглянулся. Дядя Степа смотрел мне вслед, рядом с ним в выжидательной позе, приспустив хвост и насторожив уши, застыл неподражаемый Аполлон.

Я без особых трудностей добрался до знакомого мне контрольно-пропускного пункта. Увидев меня, Алёша, который дежурил на посту и изнывал от скуки, оживился:

– Новиков, ты ли это? Огурцы принёс?

Я приберёг несколько огурцов для своих новых друзей. Ещё более чем огурцы, их боевой дух поднял мой рассказ о власовцах в Заозерье.

– Нужно немедленно доставить тебя к высокому начальству, – заявил старший группы особистов.

На попутной машине я в сопровождении Алексея быстро домчался до штаба дивизии. Алексей провёл меня в избу, в которой разместился Особый отдел, и доложил дежурному о получении новых данных о группе власовцев. Тот передал донесение по телефону в соседнюю избу, где помещался начальник, и через несколько минут мы уже входили в эту избу.

Нас встретил пожилой плотный полковник. Странное дело: он мне показался знакомым, хотя я не мог вспомнить, где его встречал. Он производил впечатление добродушного человека, особенно когда улыбался: в это время вокруг его уставших светло-голубых глаз расходились веером совсем не начальнические морщинки. Пышные седые усы довершали сходство со старым дедом, которому больше подошло бы рассказывать сказки внукам, чем ликвидировать банды предателей. В комнате находился ещё какой-то майор с сухим властным лицом. Он-то оказался, как вскоре выяснилось, начальником Особого отдела дивизии.

Все сели за простой стол, стоявший в переднем углу избы. Мне задали несколько вопросов, касающихся моей личности, а затем я по возможности подробно рассказал о происшествиих последних суток, стараясь максимально точно воспроизвести характеристику внешности главаря группы, услышанную от Андрюхи, а также случайно подслушанный разговор власовцев, обходивших ночью деревню. Я постарался представить поведение Андрюхи Волкова в самом выгодном свете, надеясь, что это поможет ему в его дальнейшей жизни. Затем я нарисовал точный план Заозерья, отметив на нем дома, в которых остановились наши враги.

Майор задал мне несколько вопросов, касавшихся настроения жителей села и поведения власовцев.

– Ведут они себя тихо, стараются не показываться лишней раз на глаза, – подумав, ответил я. – Впрочем, перед тем, как бежать через линию фронта, могут активизироваться. Ведь не зря же они захватили партизана Разина!

– Группу надо брать сейчас-же, задумчиво произнёс полковник. – Этот «офицер со шрапником» давно у нас на примете как опасный бандит; от его руки погибли десятки Советских людей. Перед уходом он там перестреляет половину деревни. Власовцы не простят поселянам радушный приём наших артиллеристов, а священника за его молебен вздёрнут на виселице.

И мне ещё раз показалось, что я его где-то видел.

– Преждевременным появлением мы можем спугнуть группу Орешка, – возразил майор.

– Сделаем так, – решил полковник. – Немедленно отправим наших людей для захвата группы «офицера со шрамом». Операцию надо провести быстро и тихо. На место власовцев посадим в Заозерье шесть наших солдат и двух офицеров. Можно даже загримировать их немного, шрамик на щеке офицера нарисовать нетрудно. Пусть ждут подхода Орешка. Будем надеяться, что его связные не расчухают подмены.

Совещание закончилось. Я собирался уйти вместе с Алексеем, но полковник задержал меня:

– Лейтенант Новиков, я сейчас еду в вашу часть, и вы поедете вместе со мной.

Такой ход событий меня вполне устраивал. Минут через двадцать мы сели в прекрасную трофейную легковую машину и с полным комфортом помчались по шоссе. Полковник стал меня расспрашивать об офицерах нашего дивизиона. Я не пожалел красок, чтобы нарисовать их портреты в умилительно-привлекательных розовых и голубых тонах. Даже Каликин у меня превратился в гения штабной работы, день и ночь думающего лишь о боевых успехах дивизиона и благополучии его личного состава. Когда я упомянул о выдающемся политработнике – инициативном, смелом, находчивом капитане Немыцком, которого обожают все солдаты, полковник усмехнулся:

– А поесть он любит?

– Откуда вы знаете, – всполошился я.

– Особый отдел должен все знать, – захохотал полковник.

Мы въехали в расположение нашей части. Обе батареи под личным наблюдением командира дивизиона проводили занятия по строевой подготовке. Увидев незнакомого полковника, выбравшегося из машины, наш командир зычным голосом подал команду «Смирно!» и с образцовой выправкой, печатая строевой шаг, направился к высокому начальству. Полковник спокойно выслушал рапорт и разрешил продолжать занятия.

– Найдите капитана Немыцкого! – приказал мне полковник.

Я уже заметил старшину, с удивлением косившегося на меня в роли сопровождающего полковника. Он дал точные указания и через несколько минут мы вошли в избу, занимаемую моим другом.

– Папа! – закричал он. – Каким образом ты оказался здесь?

– Да вот сопровождаю лейтенанта Новикова, – ответил полковник, обнимая сына. – Вы с ним как будто хорошо спелись!

– Свой парень, – промычал Немыцкий-младший, ткнув меня кулаком в бок.

Я счёл момент подходящим, чтобы исчезнуть из избы. Теперь я вспомнил, где видел полковника: у Немыцкого была старая фотография, где он – тогда толстый мальчик в шортах, был снят с отцом, бравым майором. Да и сходство отца и сына было несомненным. Как я раньше не догадался, с кем свела меня прихотливая фронтовая судьба!

ГЛАВА IX

Несколько дней наш дивизион оставался в тылу. Мы быстро втянулись в сравнительно спокойную, размеренную жизнь, заполненную будничными хлопотами: чистка материальной части, ученья, занятия строевой подготовкой, изучение уставов, политбеседы. Но вот был получен приказ сменить на огневых позициях воинскую часть, которая перебрасывалась на другой участок фронта. Наши пушки прицепили к грузовикам, и мы подготовились к переезду. Я расположился было в кабине водителя, но подошёл Каликин, заявил, что поедет на нашей машине и мне пришлось перебраться в кузов, где находилось снаряжение Стрекалова и размещался его расчёт.

Стояла прекрасная погода начала мая, и я подумал, что ехать в кузове даже приятнее, чем в душной кабине. Досада на Каликина, бесцеремонно нарушившего мои права, улетучилась. Отдохнувшие бойцы шутили и смеялись по каждому пустячному поводу, разыгрывали новичка, недавно присланного в батарею и попавшего в расчёт Стрекалова. Молодой веснушчатый парень Николай Карлов, всего два месяца как призванный в армию, ничего не понимал, боялся совсем не того, чего следовало, и слепо верил небылицам, которые в изобилии сочиняли его бывалые товарищи.

Мы более двух часов медленно ехали по большаку, потом свернули на просёлочную дорогу. Неожиданно забарахлил мотор. Водитель съехал на обочину, пропуская другие машины нашей колонны, и принялся копаться в механизме. Все соскочили на землю, радуясь возможности поразмяться. Каликин также вышел из кабины. Он, как обычно, был очень зол.

– Неужели нельзя было заранее проверить мотор? – обрушил он на шофёра своё негодование. – Ведь за опоздание с установкой орудий на новом боевом рубеже нас по головке не поглядят! Сколько времени тебе потребуется на починку механизма?

– Час, а может и два, – невозмутимо ответил шофёр, вытирая замасленной рукой пот с лица.

– Я не могу ждать столько времени! – заявил Каликин. Он остановил следующую за нами машину, в кабине которой помещался Нестеров, бесцеремонно предложил ему выйти, а сам уселся на его место. Колонна двинулась дальше, а мы остались на дороге в ожидании, пока шофёр справится со своим мотором.

Вынужденная остановка всегда неприятна. Для нас же она была связана с беспокойством об обеде: кухня находилась на машине, проехавшей мимо нас в основной колонне.

Наконец, мы двинулись дальше. Дорога со свежими следами обогнавших нас машин шла сначала по полю, потом свернула в смешанный лес. Молодые берёзки выпустили клейкие листочки, распространяющие пряный весенний запах. На полянах, по блестящему зелёному ковру, золотыми шариками рассыпались одуванчики. Темные стройные ели стремительно тянули вверх свои вершины, нагибались одна к другой под порывами лёгкого ветерка и, казалось, перешёптывались в вышине о своих лесных делах. Иногда разросшиеся кусты захлёстывали своими ветвями кузов и на нас сыпались хвоя и листья.

Мы уже были на выезде из леса, когда грохот разрывов впереди заставил нас насторожиться.

– Кого-то обстреливают, – констатировал Нестеров.

– Причём из крупнокалиберных орудий, – уточнил я.

Мы медленно подвигались вперёд. Я с биноклем в руках стоял в кузове, прислонившись к кабине, пытаюсь разглядеть, что делается впереди. Вскоре стали видны неподвижные машины, вокруг которых с небольшими интервалами поднимались высокие черные столбы земли и дыма.

– Так ведь это же нашу колонну обстреливают, – догадался, наконец, я. – Нарвались на бомбёжку! Надо было ехать, когда стемнеет.

Молоденький Карлов с ужасом прислушивался к тому, что я объяснял Нестерову. Его светлые брови нелепо поднялись вверх, ресницы беспокойно хлопали, словно крылышки попавшего в паутину насекомого.

– Не бойся, парень! – ободрил его Стрекалов, прекрасно понимавший переживания молодого солдата, впервые попавшего под обстрел. – Из-за нашей задержки мы, как видишь, не попали под огонь. Значит, ты везучий! А ежели бы и попали – тоже не страшно: спрыгнули бы с машины и укрылись по ямам да канавам.

– Боязно, – сознался Карлов. Его трепала нервная дрожь. Остальные бойцы хмуро молчали.

Наша машина добралась до поворота налево. Дальше дорога шла по совершенно открытому месту. Не желая рисковать зря, я остановил машину. Между тем обстрел прекратился. Взяв с собой одного из бойцов, я отправился на разведку. Минут через десять мы были уже возле хвостовой машины. Она не пострадала, все люди были невредимы.

– Каликин убит, сообщил мне Немыцкий, когда я подошёл к нему. Он находился во время передвижения в головной машине и уже успел пройти вдоль всей колонны. – Других потерь как будто бы нет. Правда, борта нескольких машин изрядно изрешетило осколками.

Мы прошли вперёд. Около машины, из которой несколько часов назад Каликин высадил Нестерова, закрытое плащ-палаткой лежало тело нашего начальника штаба. На его лице успели проступить землисто-жёлтые тени, черты лица заострились, нос вытянулся и почти закрывал плотно сжатые бескровные губы. И без того небольшой, он, казалось, ещё сжался: если бы не лицо, то можно было бы подумать, что перед нами тело подростка.

– Как это случилось? – спросил я.

– Когда начался обстрел, командир дивизиона передал по колонне команду машинам рассредоточиться, а людям укрыться на местности, – начал рассказывать сержант Климов, – я со старшим лейтенантом забрался в канавку. Вдруг недалеко снаряд разорвался, большая воронка образовалась. «Вот бы туда перебраться», – предложил Каликин. – «Ведь снаряды никогда в одно и то же место не попадают. Там будет спокойнее, а здесь канавка-то неглубокая». Я лежу, а он вскочил и побежал к воронке. Только не добежал: осколок его настиг и в спину ударил, как раз напротив сердца...

– Суматошиться на войне никак нельзя! – наставительно произнёс оказавшийся вблизи Строгов, неодобрительно глядя на останки Каликина.

Обстрел мог повториться, поэтому было приказано рассредоточить машины

и людей. Однако наш враг, насытившись кровью Каликина, не беспокоил нас более. Когда начало темнеть, тело бывшего начальника штаба завернули в плащ-палатку, опустили в могилу, вырытую возле дороги, и засыпали сырой глиной. Затем дали траурный залп из автоматов, и на этом все кончилось. Небольшой столбик на могиле с прикреплённой к нему дощечкой обозначал место погребения.

Нас захватили текущие заботы. Предстояло закрепиться – и, по-видимому, надолго на не очень невыгодной позиции. Мы находились посреди обширной плоской котловины, возле небольшого городка, имя которого стало бессмертным по милости иронического стихотворения Пушкина. Вдали по окружности котловины возвышались холмы, занятые неприятелем. Он мог следить за каждым нашим шагом, нам же оставалось только догадываться о расположении его огневых точек и наблюдательных пунктов.

Наша батарея заняла заброшенную позицию, на которой раньше стояли 122-миллиметровые гаубицы. Мы быстро приспособили её для наших пушек, углубили окопы и тщательно замаскировались. Однако пострелять с этих заботливо подготовленных площадок нам не удалось. В конце второго дня пришёл Калашников с незнакомым старшим лейтенантом моего возраста, маленьким и худеньким, но с лихо заломленной пилоткой, которая лишь чудом держалась на боку, позволяя любоваться пышным темным чубом хозяина.

– Коростов, – отрекомендовался он кратко. – Будешь меня сменять, лейтенант.

Калашников присел на лафет одного из орудий, а мы с Коростовым отправились выбирать путь, по которому предстояло ночью тащить наши пушки. Прозрачные летние сумерки спускались на притихшую землю. На западе мирно догорала вечерняя заря, окрашивая в пурпурные и багровые тона нависшие над невысокими холмами облачка. Лёгкий ветерок, напоенный запахами некошенных трав и полевых цветов, закручивал в забавный хохолок волосы моего спутника. Мне вспомнились заветные просторы Подмосковья, где прошло моё детство и юность, и на миг я забыл о том, что я не мальчишка, а лейтенант, с грузом тяжёлой ответственности на плечах шагающий по полям войны.

Проницательный Коростов уловил захватившее меня неоправданное настроение беспечности и покоя:

– Посмотришь кругом – кажется, и войны никакой нет. А стоит одному неосторожному бойцу появиться на этой долине, как начинают сыпать на него и мины и снаряды. У них ещё много всего заготовлено, так что лучше всего днём сидите по окопам. Зачем напрасные жертвы!

Мы пришли на огневую позицию, где стояли уже зачехлённые пушки, совершенно такие же, как в нашей батарее.

– Зачем вам тащить свои пушки? Заберите наши, а эти оставьте на месте, – пошутил я.

Коростов усмехнулся, его глаза лукаво сощурились:

– Ты, я вижу, парень не промах! Может, и жёнами так посоветуешь меняться? Уезжаешь – оставляешь жену товарищу, а сам на новом месте берёшь другую... Пушка для настоящего артиллериста – как жена: требует постоянного внимания и ласки.

– Наверно, молодую жену дома оставил? – догадался я.

– Точно, – обрадовался случаю поговорить на приятную для него тему мой спутник. – За два месяца до начала войны женился, теперь сын растёт, а я его и не видел ещё.

Мы прошли в тёмный блиндаж и Коростов зажёл коптилку. Блиндаж поразил меня своими размерами: в нем свободно могли бы разместиться человек восемь. Слева от входа стоял аккуратный топчан, возле него крепкий продолговатый стол из хорошо подогнанных досок. Правую сторону занимали широкие нары. Обстановку блиндажа дополняла грубо сколоченная табуретка и выпиленный из толстого бревна пенёк, который также мог служить стулом. Пол и стены покрывали гладко остроганные толстые доски.

– Зачем такой большой эмлянка такому нэбалшому начальнику? – коверкая слова на кавказский лад, пошутил я. – Будём танцевать! – Я поднялся на носки, поднял руки и прищёлкнул пальцами, словно собираясь исполнить бурный грузинский танец.

Хозяин огромного блиндажа радостно захохотал:

– Здесь когда-то был штаб, – пояснил он, – но во время одного из обстрелов угол разворотило снарядом и после того штаб перекочевал в другое место. Я остался один, если не считать связиста, да вот эту дыру для вентиляции.

Он указал рукой на правый угол блиндажа, и я заметил там неправильной формы отверстие, заложённое снаружи ветками.

Коростов передал мне схему целей. Затем я достал карту и с его помощью нанёс на неё расположение батареи и наиболее важных ориентиров.

Вот здесь танкоопасное направление, – пояснил он, показав на карте шоссе, идущее на северо-запад. – Впереди на три-четыре километра нет ни окопов, ни проволочных заграждений – широкая нейтральная полоса, по которой свободно могут ползать разведчики. Значит, будь осторожен и бдителен, если не хочешь, чтобы тебя украли. На холмах несколько наблюдательных пунктов, а за ними стоят тяжёлые батареи – значит, зря не высовывайся. Правда, немцы теперь не столь активны, как раньше. Вряд ли они станут из тяжёлых орудий обстреливать солдата, несущего котелок каши. А вот из миномётов могут и пострелять. Главное – не верь тишине и спокойствию. Как говорит наш замполит: «Фашистский зверь смертельно ранен, но ещё может наносить опасные удары».

– Наш замполит выражается ещё крепче. – Я поднял вверх указательный палец, подражая манере Немыцкого, когда на него нисходило ораторское вдохновение. – Слушай: «Фашистское чудовище издыхает, но колотя своим бешеным хвостом, может невзначай свернуть шею даже бравому артиллеристу!»

Посмеявшись и поговорив ещё немного, мы распрощались. Я отправился за своими пушками, а когда вернулся – на огневой позиции ни Коростова, ни его батареи уже не было.

ГЛАВА X

Итак, фашистское чудовище издыхало где-то за северо-западными холмами и бешено било своим хвостом направо и налево. Мы очень скоро ощутили тяжесть его ударов.

Утром командир дивизиона майор Лукин и Калашников пришли на огневую

позицию нашей батареи, чтобы лично удостовериться в том, правильно ли расставлены орудия и готовы ли они к отражению вражеских атак. Пушки были в порядке и стояли на положенных им местах, однако колеса после ночного перехода ещё не были почищены. По этому случаю Лукин задал мне изрядную головомойку. Он все раскручивал и расцвечивал свою обвинительную речь, и я не избежал бы стандартного взыскания – пять суток ареста с вычетом из офицерского жалованья, – если бы противник не обрушил на нас шквал артиллерийского огня. Подходя к огневой позиции, майор Лукин не счёл нужным маскироваться надлежащим образом. Обладая порядочным брюшком, плотный, приземистый, он полагал чрезмерно утомительным для себя и к тому же зазорным нагибаться, проходя по неглубокому окопу. Немцы заметили его и не упустили случая пострелять по соблазнительной цели.

По моей команде орудийные расчёты быстро заняли свои места в укрытиях, а мы втроём улеглись на дне глубокого окопа, расположенного за огневой площадкой третьего орудия. Обстрел продолжался минут десять. Вражеские снаряды и мины рвались со всех сторон, совсем близко от нашего убежища: несомненно, наша огневая позиция была хорошо пристреляна немецкими артиллеристами. Майор Лукин, забыв о своём гоноре, лежал на глинистом дне сырого окопа, прикрывая голову планшеткой. Видно, он особенно полагался на её защитительную силу. Мы с Калашниковым лежали рядом, прислушиваясь к отвратительному вою летящих прямо на нас тяжёлых снарядов и вздрагивая после разрывов. Один из них взорвался в соседнем окопе – к счастью в нем никого не было. В воздух взметнулся столб дыма и комья земли и глины, упавших тяжёлым градом на наши головы.

Когда артналёт окончился, я отвёл своих начальников в унаследованный мною обширный блиндаж. Отчистив мундиры от налипшей на них глины и успокоившись, мы начали обсуждать обстановку. Я показал схему целей, оставленную мне Коростовым.

– Да, с этой позиции не постреляешь, – глубокомысленно произнёс Лукин. К нему уже вернулась его обычная самоуверенность. – Они нас видят как на ладони, а мы им ничего сделать не можем. Нужно уничтожить их наблюдательные пункты!

Я не решился обратить внимание командира дивизиона на то, что та же проблема стояла перед нашими предшественниками и не была ими разрешена. На схеме целей были нанесены три НП. Один из них, ближайший к нам, располагался на склоне высоты, через которую проходило шоссе. Он привлёк особое внимание Лукина.

– Установите непрерывное наблюдение за этим НП противника, – распорядился Лукин. – И тщательно соблюдайте маскировку! – приказал он, уходя на свой КП.

Маскировка – маскировкой, а вечером в моем шикарном блиндаже собралась весёлая молодая компания. Пришли Нестеров и старшина, а Немыцкий привёл с собой «на новоселье» командира разведывательной роты капитана Силина и батальонного фельдшера Нину Прокину, недавно появившуюся в нашей части и сразу завоевавшей сердце отважного капитана. Силин вполне оправдывал свою фамилию. Это был крупномасштабный, загорелый до черноты самоуверенный парень, действительно наделённый огромной физической силой. Он любил рассказывать, как во время ночных поисков своими мощными руками хватал «языков», бросаясь на них «как коршун на цыплёнка». Правда, злые языки утверждали, что Силин – хвостун, и более

того – частенько отсиживается в укромном месте, полагаясь на опыт и отвагу своих храбрых разведчиков. Как бы то ни было, а Силин, который несомненно не прочь был прихвастнуть, сейчас счёл обстановку идеальной, чтобы предстать в полном блеске перед очаровательной дамой в форме лейтенанта медицинской службы.

– А ну, герои-артиллеристы, покажите, на что вы способны! Конечно, артиллерия – бог войны, но против пехоты вам не устоять!

Силин уселся на топчане, поставил свой локоть на стол и предложил присутствующим помериться с ним силой. Первый принял вызов старшина. Поместившись напротив Силина на табуретке, он также крепко упёрся локтем правой руки в стол. Я заметил, что он для большей устойчивости использовал небольшое углубление в доске стола и подивился его наблюдательности и находчивости. Остальные не заметили этой уловки, и состязание началось. Старшина оказал героическое сопротивление Силину и продержался секунд двадцать. Под торжествующий хохот доблестного разведчика его рука оказалась плотно прижатой к столу.

Теперь очередь была за мной. Усевшись поудобнее и поместив локоть в то же углубление, как и старшина, я сжал огромную ладонь Силина и по команде Нины Прокиной, сконцентрировав всю свою волю, попытался противостоять мощному давлению руки противника. Увы, это было все равно, как если бы я хотел остановить поезд, ухватившись за буфер последнего вагона. Моя рука начала неуклонно клониться вниз и скоро оказалась прижатой к поверхности стола.

Нестеров отказался участвовать в борьбе и за стол напротив Силина уселся Немецкий. Я уже приготовился считать секунды, которые он продержится, чтобы потом хоть как-то утешить друга. Но тут случилось невероятное: Немецкий быстро овладел инициативой и рука Силина, несмотря на его упорное сопротивление, стала неуклонно клониться вниз и оказалась прижатой к столу.

– Игра не честная! – завопил уязвлённый Силин. – Хитроумные артиллеристы используют ямку на столе для упора локтя!

Немецкий и Силин поменялись местами. Разведчик напряг все свои силы, лицо его надулось и покраснело, на тыльной стороне руки проступил багровый рубец – след недавнего ранения. Однако, как и следовало ожидать, результат борьбы оказался тот же. Пристыженный Силин признал победу своего соперника.

– Как тебе это удалось? – спросил он, с трудом подавляя горечь неожиданного поражения.

– Тут дело не в силе, а в сноровке, – скромно ответил Немецкий. – Когда я был в лётной части, мы часто развлекались такими состязаниями и я изучал все приёмы.

– Не спешите называть и приветствовать победителя, – неожиданно подала голос Прокина. – Я тоже кое-что смыслю в этом деле. Посмотрим, на что вы способны!

Она уселась напротив Немецкого и её тонкая кисть потонула в его широкой пухлой руке. Сначала казалось, что силы соревнующихся равны: их руки стояли строго вертикально и лишь плотно сжатые губы выдавали прилагаемые усилия. Напряжение борьбы все усиливалось. Но вот рука Немецкого медленно поползла вниз. Он ещё плотнее сжал губы, на его лице появилось выражение отчаянного упорства. Все было напрасно: девушка явно его одолевала. В отчаянии Немецкий попытался

сжультничать: его левая рука воровато поползла по столу, и двумя пальцами он ухватился за гимнастёрку правой руки. Нина разгадала этот манёвр и щёлкнула свободной рукой по незаконно вступившей в борьбу левой руке противника. После этого последовал быстрый финал и под общий хохот Немецкий признал своё поражение. Мы понимали, что дело не чисто – конечно, Немецкий просто уступил девушке, но он сыграл свою роль тонко и естественно, и придаться к чему-нибудь было невозможно,

Напившись чаю, все уgomонились и поскольку ночь была очень тёмная, решили заночевать в моей землянке. Я предоставил привилегированное место на топчане, стоявшем за столом, нашей единственной даме, дал ей под голову вещевой мешок и укрыл своей шинелью. Остальные расположились на широких нарах под общей плащ-палаткой. Не прошло и пяти минут, как все заснули.

Я вышел наружу, чтобы проверить, все ли в порядке на постах и задержался у выхода из землянки. Меня охватила плотная ночная мгла. С соседнего болотца тянуло сыростью и доносилось соперничающее кваканье лягушек. Какая-то ночная птица, а может быть летучая мышь, проскользнула над моей головой, растворившись в темноте. Я наслаждался тишиной и спокойствием. Неясные мечты о чем-то красивом и радостном затуманивали сознание. После шуточного состязания в землянке я никак не мог настроиться на серьёзный лад. Вспоминая схватку Нины и Немецкого, я не мог подавить улыбку, совершенно неуместную конечно, на физиономии строгого командира, проверяющего состояние дисциплины своих подчинённых. Лицо красивой девушки с тонкими черными бровями, внимательными карими глазами и своеобразно изогнутыми гордыми губами стояло передо мной то оживлённое мимолётной улыбкой, то строгое и непреклонное. «Ей не больше двадцати трёх лет, но выглядит она старше меня, – подумал я. – Интересно, какие отношения установились у неё с Силиным?» Ревнивое чувство тонкой иголкой укололо моё сердце. «Какое мне дело, собственно говоря, до её отношений с Силиным?» Вопрос был поставлен правильно, но когда я вспомнил случайное прикосновение моей руки к плечу девушки, когда я укрывал её шинелью, лёгкий толчок крови дал мне понять, что сердце моё растревожено. Я попытался вызвать в памяти образ Маруси, однако этот испытанный приём не удался: лицо моей невесты расплывалось, и черты его странным образом деформировались, превращаясь в черты лица новой знакомой.

– Товарищ лейтенант, это вы? – раздался тихий голос.

Мои глаза уже привыкли к темноте, и я различил неясно обозначенную фигуру часового. Собственно, это был не часовой, а командир орудия Стрекалов. Этой ночью расчёт его орудия был назначен в наряд по охране батареи. Вместе с ним мы прошли по всем постам.

– Валиев и Карлов выдвинуты на передовой пост на шоссе, – сообщил Стрекалов. – К ним идти не стоит, они сидят в засаде и в случае необходимости подадут сигнал криком совы.

– Не жидковата ли засада? Валиев не бог весть какой храбрец, а Карлов совсем ещё новичок!

– Зато хорошо знает немецкий язык, – возразил Стрекалов. – А Валиев толковый боец. Он у себя в Узбекистане был председателем большого колхоза.

Не вполне успокоенный ссылкой на столь авторитетную должность Валиева я вернулся в землянку, прикорнул на углу нар, натянув на себя край плащ-палатки, и тотчас заснул.

Меня разбудил Стрекалов, который бесцеремонно тряс меня за плечо:

– Товарищ лейтенант, немцев привели!

При слове «немцы» все вскочили и схватились за оружие. Однако тревога была напрасной, оказалось, что на Валиева и Карлова, сидевших в засаде, вышла группа из четырёх немцев, решивших сдаться в плен. Я приказал задержать немцев у входа в землянку, а Валиеву вместе с Карловым зайти внутрь.

– Ну, докладывайте, как было дело? – спросил Немецкий, приготовившийся записывать в большой блокнот их рассказ. Он сидел на топчане возле коптилки, с краю от него расположилась Нина, я встал около неё; остальные расселись на нарах.

Широкое тёмное лицо Валиева сияло от гордости. Он с трудом подавил счастливую улыбку, одёрнул гимнастёрку и подошёл ближе к столу. Карлов скромно держался немного позади; казалось, он был ошеломлён происшествием, в котором ему привелось столь активно участвовать.

– Сидим мы в засаде, – начал Валиев. – Ночь очень тёмная сегодня, однако шоссе просвечивает вроде как-бы светлой полоской. Вдруг слышим шаги: кто-то идёт. Совсем близко к нам подошли, видим на шоссе четыре фигуры. Кто может быть? Кому нужно в такую тёмную ночь ходить по шоссе? Может наши разведчики, а может и немцы? Навёл я на них автомат и кричу: «Стой, стрелять буду!» А Карлов по-немецки им кричит: «Хальт!» и ещё что-то. А немцы в ответ: «Русс, не стреляй! Гитлер капут! Мы в плен». Оружия у них не было, заранее побросали. Ну, мы все же велели им идти впереди, Карлов с ними разговаривал, а я сзади с автоматом, так и привели в батарею.

– Откуда ты немецкий знаешь? – спросил Немецкий у Карлова.

Паренёк встрепенулся и выступил вперёд. На его веснушчатом мальчишеском лице проступил лёгкий румянец. Преодолев смущение, он довольно бойко ответил:

– У меня мама в школе немецкий язык преподаёт, она меня и научила.

– Что же рассказали тебе немцы, пока вы их вели? – вмешался в разговор Силин.

– Сказали, что давно уже решили сдаться в плен, только случая подходящего не было. Поражение гитлеровской Германии считают неизбежным.

– Все ясно, приступим к допросу пленных, – скомандовал Немецкий.

Первым ввели в землянку худощавого немца средних лет с удлинённым интеллигентным лицом. Он держался спокойно и, кажется, был очень доволен, что попал, наконец, в плен. Карлов бегло переводил его ответы. Оказалось, что этот немец, Генрих Мюллер, до войны работал в Кёльне продавцом в книжном магазине. По роду службы он много читал – хозяин магазина требовал, чтобы его продавцы знали литературу. В нацизм он никогда не верил, а военная служба его чрезвычайно тяготила.

Я предложил пленному сесть за стол, положил перед ним карту и попросил показать, где находятся наиболее интересные цели. Он хорошо ориентировался в карте, не колеблясь пометил наблюдательный пункт на высоте, господствующей над местностью и миномётную батарею в лощинке.

– А на этой высоте ничего нет? – спросил я, ткнув карандашей в точку на карте, где по нашим представлениям должен был находиться подлежащий в первую очередь уничтожению наблюдательный пункт.

Немец хитро улыбнулся:

– Здесь только фальшивый наблюдательный пункт. Наш начальник, обер-лейтенант Кауфман, очень не любит, когда русская артиллерия стреляет по блиндажу, в котором он расположился. Поэтому он придаёт очень большое значение маскировке и введению ваших наблюдателей в заблуждение.

Мы с Нестеровым и Немыцким многозначительно переглянулись: ответы пленного существенно меняли все наши планы.

Следующим перед нами предстал молодой рослый немец с сытым гладким лицом и тщательно зачёсанными светлыми волосами.

– Ефрейтор Гельмут Минц, – отрекомендовался он, не ожидая вопросов. – Что с нами теперь будет?

– Вас отправят в лагерь для военнопленных – усмехнувшись ответил Немыцкий.

Из рассказа Минца выяснилось, что он попал в фашистскую армию со школьной скамьи. Он хорошо усвоил нацистскую идеологию и не собирался от неё отказываться. Однако бездарное руководство гитлеровского генералитета, по его мнению, вело войну к позорному поражению и, взвесив все «за» и «против» он решил не подвергать более свою драгоценную жизнь опасности, намереваясь сохранить её до лучших времён. Когда я предложил ему показать на карте расположение некоторых объектов его части, он отказался.

– Но ведь ваше поведение может повлиять на то, в какой лагерь для военнопленных вы попадёте, – схитрил я.

– Я добровольно сдался в плен и имею право на то, чтобы со мной обращались в соответствии с правилами, принятыми во всем цивилизованном мире, – отрезал Минц. – Я ариец и никогда не буду работать на низшую расу, – нагло усмехаясь заявил он.

Поглощённый допросом пленного, я не следил за моими друзьями, находившимися в блиндаже, в том числе за Ниной, которая, казалось, без особого интереса прислушивалась к ответам Минца. Тем более неожиданным было, когда она вскочила со своего места и встала напротив «арийца». В руке её я заметил хлыст, которым пользовались наши ездовые, подгоняя лошадей на крутых подъёмах. Непонятно, как он оказался в моей землянке? Вся фигура Нины напряглась, словно она хотела прыгнуть на врага и задушить его. Я бы никогда не смог и вообразить себе раньше, что лицо молодой красивой девушки может выражать столь острое чувство ненависти. Под её неотрывным взглядом Минц сделал шаг назад и втянул голову в плечи.

– Вы не имеете права меня бить, – испуганно прошепелявил он.

– А ты имел право бить наших женщин и потом насиловать их? – хлестнув его кнутом по щеке, истерически закричала Нина по-немецки. Оказывается, она достаточно хорошо знала этот язык.

Минц побледнел и прикрыл глаза рукой. Этот жест ещё более раззадорил расходившуюся девушку.

– Избивая наших женщин, ты не разрешал им защищать глаза! – бледнея от

нестерпимого воспоминания, прошипела Нина и ещё раз ударила пленного по другой щеке. Багровые полосы выступили на его лощёной физиономии.

Кажется, я первый пришёл в себя и решился прервать злополучное и, конечно, неуместное столкновение. Не говоря ни слова, я сгрёб Нину в охапку, усадил её к себе на колени и отобрал хлыст. Девушка не сопротивлялась: она прижалась лицом к моему плечу и, по-видимому, снова потеряла интерес к окружающему.

Минц перестал хорохориться и допрос продолжался. Испуганный гитлеровец указал расположение минных полей, в частности на подступах к высотке, где находился ложный наблюдательный пункт. Для меня это было наиболее существенно.

Остальные двое пленных не сообщили ничего нового. Один из них, пожилой австриец, до войны был официантом в ресторане. Он хорошо разбирался в карте вин, но ничего не понимал в обычной топографической карте и путал пушки с миномётами. Второй – совсем мальчишка – всего два месяца как попал в армию по тотальной мобилизации. Он был сильно напуган и мечтал лишь о том, как бы поскорее оказаться подальше от тех мест, где стреляют. Наш Карлов был по сравнению с ним просто героем.

Отправив пленных в тылы, я вышел из землянки. Уже светало, но лёгкий туман ещё заволакивал окружающую низину, и можно было не опасаться попасть на глаза противнику. Немецкий и старшина ушли вместе с пленными. На ступеньках из землянки показалась Нина.

– Прости меня за мою глупую выходку, – смущённо опустил глаза, сказала она.

– Видно много пришлось тебе перенести, лейтенант от медицины, – полушутливо ответил я, подавая ей руку. По правде говоря, я не понял, почему она решила извиняться передо мной.

Нина крепко ухватила обеими руками за мою руку и выбралась на поверхность. Она подняла голову и я заметил слезинки в уголках её темных глаз.

– Ведь я пробыла почти два года на оккупированной территории, всего натерпелась. – Вот нервы и не выдержали... Понимаешь, нет у меня больше в жизни радости. Иной раз удавиться хочется.

– Вот ещё выдумала! Такая красавица, неужели боишься, что не найдёшь своё место в жизни? Все, что было, война спишет и у тебя ещё все хорошее впереди...

Присоединившийся к нам Силин прервал этот многозначительный разговор. Он бесцеремонно подхватил девушку под руку и они ушли, а мы с Нестеровым принялись составлять план предстоящей операции по полному разгрому противника.

ГЛАВА XI

– Как только стемнеет, выкатим пушку на бугор над ложным немецким НП, подготовим все к стрельбе и с первыми лучами солнца расколошматим настоящий наблюдательный пункт, – с воодушевлением агитировал меня Нестеров, водя карандашом по карте. Его глаза блестели, он предвкушал радость победы и славы.

– Не напороться бы на мины, – осторожно возражал я. – Впрочем, сапёры ползут впереди и все разминируют.

Мы составили список бойцов, которые должны будут участвовать в операции.

Оставалось уточнить лишь некоторые детали и получить разрешение на вылазку от командира батареи, когда нас вызвали к Лукину.

В просторном блиндаже командира дивизиона собрались все наши офицеры. Лукин прежде всего представил нам нового начальника штаба, лейтенанта Вохмянина. Многие его уже знали, так как в течение длительного времени он работал в штабе начальника артиллерии дивизии. Небольшого роста, худощавый и очень подвижный, Вохмянин показался мне вначале совсем молодым. Только спустя некоторое время я разглядел седые волосы в его курчавой чёрной шевелюре и в небольших усах щёткой и понял, что ему уже за сорок. Он сидел за столом, на котором была разложена карта, и наносил на неё какие-то квадратики. Майор Лукин сидел на настоящем стуле с другой стороны стола, остальные разместились на двух широких скамьях. Через открытую дверь блиндажа проникали солнечные лучи, соперничая с тусклым светом керосиновой лампы.

Командир дивизиона сообщил нам о приказе всемерно активизировать действия артиллерии с целью помешать противнику снять часть войск и перебросить их на другие участки фронта. Момент показался мне подходящим для изложения плана разгрома неприятельского НП и я попросил разрешения сообщить о нем. Выслушав меня более внимательно, чем я ожидал, Лукин потёр лысеющую голову правой рукой и одобрительно хмыкнул.

– Я вижу, Новиков, что ты, наконец, становишься боевым артиллеристом. Давно бы пора тебе выбросить учёную дребедень из головы, но говорят лучше поздно, чем никогда! – Лукин самодовольно захохотал. – План твой подходящий, только без предварительной разведки тащить пушку по нейтральной территории рискованно. Пусть операция займёт не один день, а три, но пройдёт успешно и без излишних потерь!

– Тем более что нам нужно ещё подготовить всю документацию, – вмешался Вохмянин. – После окончания совещания задержитесь у меня, – добавил он, обращаясь ко мне.

Решено было, что задуманный Нестеровым и мною план должен стать частью общей наступательной операции, в которой примет участие не только артиллерия, но и пехота. Мы с Нестеровым сияли как именинники.

Когда мы остались вдвоём с Вохмяниным, он извлёк из своей полевой сумки, составленный мною утром, рапорт о задержании четырёх неприятельских солдат.

– Ваш рапорт составлен недостаточно выигрышно для дивизиона, – заявил новый начальник штаба. – Вы человек грамотный и от вас можно было бы ждать более впечатляющего изложения событий. – Вохмянин хитро улыбнулся. – Почему вы утверждаете, что эти солдаты намеревались сдаться в плен? Вы говорите об этом только с их слов! Фактически ваши бойцы Валиев и Карлов совершили если не героический подвиг, то, во всяком случае, незаурядный поступок: вдвоём они захватили четырёх фашистов. Это и надо в рапорте поставить на первый план. Далее нужно подчеркнуть, что пленные сообщили важные сведения о численности и расположении неприятеля.

Пользуясь наставлениями многоопытного штабиста, я переделал рапорт, и мы расстались, вполне довольные друг другом.

С наступлением сумерек мы с Нестеровым готовы были отправиться на разведку интересующей нас высоты. С нами должны были пойти ещё восемь человек – разведчики, сапёры и командир орудия Григорьев. Однако в последний момент все планы переменялись: явились Калашников, Вохмянин, а также Силин, который привёл четырёх бойцов из своей роты. Увидев нашу разведывательную группу, он разразился ироническим хохотом:

– Вы, видно, решили перепугать немцев так, чтобы они все до Берлина побежали без штанов! Разве можно с таким войском проводить скрытную разведку?

Он согласился взять с собой из батареи лишь одного Григорьева.

– Не огорчайся, лейтенант, – сказал мне в утешение Вохмянин. – Зато эта высота теперь во всех донесениях будет значиться как «Высотка Новикова».

– Вот вы и прославились, – добродушно засмеялся Калашников. – Пойдёмте на запасную огневую площадку, её нужно будет подготовить как следует. Наша основная площадка хорошо пристреляна противником и вести огонь с неё нельзя.

Силин с его группой вернулись лишь следующей ночью. На высоте оказался хорошо сохранившийся необитаемый блиндаж. Сторожевых постов противника они не обнаружили. Григорьев составил точный план высоты. На его рисунке он выглядел как полумесяц, своими рогами обращённый к позициям противника.

– Установим ваше орудие на правом роге, – сказал Калашников, обращаясь к Григорьеву. – За ночь вы сумеете отрыть площадку для стрельбы прямой наводкой, а также ровики для укрытия людей. Наш наблюдательный пункт будет здесь. – Калашников указал на левый рог.

– Правильно, – вмешался Силин. – Здесь вблизи немецкий блиндаж, в котором в случае нужды можно будет укрыться.

– Не опасно ли лезть в чужую берлогу? – возразил Калашников. – Убеждён, что он минирован.

– Мы внимательно осмотрели этот блиндаж: мин нет, – настаивал Силин. – Мы там весь день отсыпались и, как видите, ничего с нами не случилось.

Силин ушёл в свою роту, а мы занялись подготовкой к операции.

Вечером следующего дня, как только стемнело, Силин и его разведчики повели Калашникова и Нестерова на «Высотку Новикова». За ними выступило орудие Григорьева. Две наши лучшие лошади потащили его по шоссе, и оно быстро исчезло в сгущавшихся сумерках. Настала очередь перетаскивать три оставшихся орудия на запасную позицию. Соблюдая осторожность, в ночной тиши дружными усилиями расчётов пушки были установлены на подготовленных для них местах, наведены приблизительно на позицию неприятельской миномётной батареи, а я со связистом, придерживаясь проложенного уже телефонного кабеля, в свою очередь отправился в путь. Было уже далеко за полночь. Новый месяц узким серпом висел в безоблачном звёздном небе. Шоссе светлой полоской убегало из-под ног. Редкие кусты причудливыми глыбами темнели по сторонам, казалось, сгущая в себе неведомую опасность. Мой спутник – низкорослый молодой телефонист Шорин, – поёживаясь не то от ночного свежего воздуха, не то от ожидания предстоящего боя, безмолвно шагал рядом со мной.

Мы беспрепятственно добрались до высотки, названной моим именем. Здесь уже кипела работа: откапывались узкие глубокие ровики, где можно было бы укрыться от неизбежного огня противника. Я заглянул в старый немецкий блиндаж. Здесь в полной темноте сидели Силин и Калашников – я узнал их по голосам; они продолжали старый спор.

– Противник не случайно оставил этот блиндаж в полной сохранности и даже не расставил в нем мины, – кипятился обычно весьма спокойный Калашников. – Судя по всему, он заготовил в нём какую-то пакость!

– Мои сапёры, – и я им вполне доверяю, они испытанные мастера своего дела, – осмотрели все снаружи и внутри и не нашли ничего подозрительного. Хуже всего, когда люди боятся воображаемых опасностей! Видимо, немцы сами пользовались иногда этим убежищем во время разведывательных вылазок. Зачем же им было его минировать?

– Кто вам мешает оборудовать глубокий и безопасный окоп? В крайнем случае, уходите со своими разведчиками в тыл. Вы своё дело сделали и больше здесь не нужны!

– Ну, уж нет! Силин никогда не убегал в тыл перед боем! А если говорить о том, где будет действительно страшно, так это в ваших ровиках, когда немцы засыпят высотку минами и тяжёлыми снарядами. Насиделся я в таких ровиках! Ровики для разведчиков мы, конечно, оборудуем, а лично мне блиндаж представляется вполне надёжным и я не намерен подвергать себя действительному риску из-за боязни вымышленной опасности.

Я доложил моему начальнику, что батарея заняла намеченную позицию, и он покинул упрямого капитана. Мы обошли высотку – она была невелика: от правого до левого рога было не более восьмидесяти метров. Земляные работы были в основном закончены. Виктор Алексеевич доложил по телефону Вохмянину, что батарея готова к выполнению боевой операции и присел на свежевырытую землю вблизи своего НП. Я отправился к пушке, стоявшей на правом роге.

Короткая летняя ночь была уже на исходе. Небо на востоке начало светлеть. Ещё видны были отдельные звезды, но и они быстро бледнели, растворяясь в голубеющей высоте. Вот на горизонте появилось лёгкое облачко, его нежный край лизнуло ещё не видимое солнце и окрасило в радостный светло-розовый цвет. На расстилавшейся впереди равнине, подёрнутой лёгким туманом, сначала вблизи, потом все дальше и дальше стали выступать кусты и редкие деревья.

Я обернулся в сторону противника. Над нами зловещей тенью нависал высокий холм, на котором затаился жестокий враг. Всё моё внимание было теперь приковано к нему. Нужно было не пропустить момент, когда восходящее солнце осветит амбразуры и заиграет яркими бликами на стёклах бинокля или стереотрубы немецкого наблюдателя. Мысленно я уже десятки раз представлял себе этот критический момент. Но вот показался краешек солнца, его багровый диск стал быстро подниматься, а я ещё ничего не видел!

– Хорошо замаскировался! – сказал стоявший рядом со мной Григорьев.

Должно быть, в этот момент вражеский артиллерист занял своё место на НП и снял со стёкол стереотрубы защитные крышечки. Яркий блик ударил нам в глаза.

– Вот он! – радостным шёпотом выразил своё полное удовлетворение Григорьев.

– Что за идиот! – обругал я немецкого наблюдателя. – Он так увлёкся созерцанием привычных целей, что не замечает наведённую на него пушку буквально у себя под носом!

Вражеский наблюдатель не воспринял моего критического замечания. Он продолжал поворачивать стереотрубу, по-видимому, записывая в журнал результаты осмотра местности. Наводчик спокойно навёл орудие, и я дал команду «огонь!» Гулкий выстрел разбудил свежее утро. Мы не торопясь выпустили несколько бронбойных снарядов, потом перешли на фугасные и от неприятельского НП, доставившего стоявшим на равнине нашим частям столько неприятностей, скоро осталась дымящаяся воронка.

Слева от нашей основной цели затрещал пулемёт, замаскированный за кустом. Он был хорошо виден по вспышкам, и достаточно оказалось двух выстрелов нашей пушки, чтобы заставить его навеки замолчать. Но вот в бой вступила известная нам миномётная батарея противника. Это уже было посерьёзней! Огромные мины с отвратительным визгом летели с высоты и разрывались с оглушительным грохотом по всей территории нашей высотки. Поскольку задача орудия Григорьева была выполнена, я скомандовал всем укрыться в щелях. Миномётная батарея была хорошо видна, и я спросил по телефону Калашникова, почему он не открывает по ней огонь наших трёх пушек, стоящих на закрытой позиции.

– Понимаете, все время была с ними хорошая связь, а теперь почему-то прервалась, – раздосадовано заявил наш командир. – Нужно послать связиста проверить линию!

Я обернулся к Шорину, который сидел в ровике рядом со мной:

– Ну, парень, теперь твоя очередь показать, на что ты способен! Вылезай из окопа и беги по линии, пока не найдёшь обрыв! Видно, разрывом мины повредило кабель.

Шорин посмотрел на меня жалобными глазами, словно собака, которую её хозяин выгоняет на мороз. В них отразился его испуг и надежда, что я дам возможность повременить с выполнением приказа. Действительно, мины с небольшими интервалами оглушительно лопались по всей площадке, взметая столбы дыма и пыли. Осколки, свистя, пронеслись над нашим укрытием. На несколько секунд наступило подобие затишья. Я ласково подтолкнул Шорина в плечо и ободряюще сказал ему в паутствие:

– Иди, иди смелее, ничего с тобой не случится! Найдёшь обрыв – оставайся в воронке рядом и подсоединись ко мне. Может, ещё где-нибудь обрыв будет.

Шорин выскочил из окопа и, пригибаясь, побежал по склону высотки. Миномётный обстрел возобновился, он меня не очень тревожил, хотя несколько мин разорвались совсем рядом, засыпав наш ровик кусками земли и пыли. Но вот, казалось, совсем рядом ухнул мощный взрыв. Спустя несколько мгновений мне на шею упала какая-то тяжёлая масса. Сначала я подумал, что это кусок глины, но сняв его с ужасом увидел, что это рука, оторванная чуть повыше локтя. Рука показалась мне знакомой: «Где я видел этот шрам на тыльной стороне кисти? – подумал я. – Да ведь это же рука Силина! – вспомнил я недавнюю шуточную борьбу в моей землянке. – Значит, Калашников, хоть он и растяпа, а был прав, утверждая, что немцы в «забытом» блиндаже подготовили очередную пакость. Кто-то из них хладнокровно нажал на кнопку

электрического взрывателя, не сомневаясь, что в хорошем укрытии скопится немало наших бойцов. И вот, Силин из-за своего упрямства погиб! Вот что значит неправильно оценить, где опасность реальная, а где воображаемая. Впрочем, можно ли винить Силина? Ведь миллионы религиозных людей, опасаясь гнева вымышленных богов, идут на всевозможные жертвы и совершают ещё большие глупости. А сколько примет у суеверных людей? Чем тревожнее обстановка, тем сильнее вера во всевозможные предсказания и предопределение судьбы...

Мои философские размышления прервал звук зуммера. Шорин благополучно добрался до разрыва на кабеле и исправил связь. Я поспешил вызвать Калашникова:

– Виктор Алексеевич, связь восстановлена! Можно открывать огонь по миномётам.

– Понимаете, Михаил Михайлович, – начал он жалобным тоном, – Нестеров оглушён взрывом и лежит в полубессознательном состоянии, а мне столько песка набилось в глаза, что я почти ничего не вижу. Возьмите на себя, пожалуйста, проведение этой стрельбы!

Я не стал тратить время на обсуждение сложившейся ситуации и тут же подал команду на батарею. После корректировки огня батарея миномётчиков попала в вилку. Я споловинил её и вот на грозного врага обрушился град наших снарядов. Естественно, обстрел нашей высоты миномётами противника тут же прекратился. Тем временем в нескольких местах неприятельские позиции были захвачены нашей пехотой. По-видимому, опасаясь отстать от своих, немецкие миномётчики стали поспешно грузиться на две автомашины. Было бы непростительной оплошностью упустить такой случай! Я приказал Григорьеву выкатить нашу пушку и прямой наводкой довершить разгром неприятеля. С большим удовольствием наблюдал я, как обе машины взлетели на воздух.

Огонь прекратился, и неожиданно стало совсем тихо. Оказалось, что весь бой продолжался всего сорок минут. Мы все вышли из укрытий. На высоте появилась Прокина с нашим батарейным санинструктором Верой Коротковой. Я обратил их внимание на бедственное положение Калашникова. Подойдя к нему, Нина ловким движением вывернула ему веки, протёрла их ватным тампоном, смоченным какой-то жидкостью и мой друг, поморгав глазами, объявил, что он снова в полной форме. Хуже было дело с Нестеровым: его пришлось на носилках отправить в тыл.

– Полежит несколько дней и все пройдёт, – уверенно объявила Нина. – А вам, товарищ Новиков, не мешало бы умыться!

У нас оказалось несколько раненых, которым требовалась перевязка. Тем временем разведчики извлекли из-под брёвен разрушенного блиндажа останки Силина. В горестном молчании начали они копать могилу для своего командира. Глядя на них, я понял, что это был именно тот человек, в котором они нуждались: несмотря на все его недостатки, разведчики любили его и восхищались им.

Меня отвлёк вызов из штаба дивизиона. Вохмянин приказал явиться в штаб, чтобы помочь ему в составлении наградных листов. Вместе с Калашниковым мы составили список наиболее отличившихся бойцов, и я отправился в путь. По дороге мне удалось найти яму со сравнительно чистой водой, я умылся и вообще привёл в порядок свою внешность.

В штабе дивизиона меня встретили как героя. Сам Лукин поздравил меня и пожал руку. С хода мы с Вохмяниным и писарем нашего дивизиона Женей Вениковым начали готовить материалы для представления участников боя к орденам и медалям. С особым удовольствием я составил наградной лист на капитана Калашникова.

– У вас хороший стиль и богатое воображение, – похвалил меня Вохмянин. – Буду иметь это в виду. А сейчас, как бывший преподаватель литературы и завуч школы ставлю вам «отлично».

Польщённый похвалой, я настроил столь блестящий текст наградного листа на Вохмянина, который своим дальновидным руководством обеспечил подготовку и выполнение сложной наступательной операции, что даже ему самому стало не по себе. Однако документ был подписан и отправлен по инстанциям.

– Не скрою, получить хотя бы скромную медаль мне очень хотелось бы, – признался Вохмянин. – Я потому и перешел из штаба на службу в дивизион... Однако мы составили наградные листы на восемнадцать человек, а пройдут все равно не более шести, – флегматично рассчитал многоопытный штабист. – Вы, я думаю, все же получите причитающийся вам орден Отечественной Войны. Командир дивизиона также получит. Остальные под вопросом.

Смертельно усталый, возвращался я в свой блиндаж. После длительного возбуждения наступила реакция – мне все стало безразлично, хотелось только спать. Было уже время обеда. Старшина и повар постарались, чтобы батарея была накормлена в соответствии с успехом в проведённом ею наступательном бою. Я получил два котелка – с борщом и с кашей и, держа их в руках, спустился в своё логово.

Когда после яркого солнечного света глаза мои привыкли к полумраку землянки, я увидел на нарах какой-то серый комочек. Укрывшись моей шинелью, лежала Нина и тихо плакала. Я присел рядом, и не говоря ни слова, долго гладил её по голове и плечу. Понемногу она стала успокаиваться.

– Давай пообедаем, – предложил я. – Борщ у нас очень вкусный!

– Не хочется мне, да я и закусывала уже сегодня.

– Мы с тобой солдаты, кто знает, какие ещё испытания ждут нас впереди. А умные люди говорят, что солдату лишний раз пообедать никогда не помешает.

Нина слабо улыбнулась. Я дал ей ложку, и мы начали есть из общего котелка. Крупные слезинки выскакивали время от времени из её глаз и капали в котелок.

ГЛАВА XII

Слушать сводки Верховного Командования было очень даже приятно и радостно. Они волновали и ободряли. Приходя в расположение батареи, Немецкий приносил их с собой целые кипы – и совсем свеженькие и недельной давности. После краткой политинформации начиналось обсуждение положения на фронтах. Все вдруг обнаружили у себя незаурядные стратегические способности. Гадали и спорили, как развернутся события, где будет очередной удар нашей Армии. Нужно сознаться, что познания в географии у большинства бойцов и даже командиров были не очень твёрдые. Выручало то, что в нашей батарее собрались представите-

ли самых разных уголков Советского Союза. Если кто-нибудь начинал утверждать, что Фастов находится совсем недалеко от Ладожского озера, то его поправлял киевлянин, ездивший туда за дынями, а какой-нибудь Елец с Дальнего Востока быстро возвращался в среднюю полосу России. Хуже было с иноземными городами, но и тут Немыцкий в конце концов наводил ясность.

Мы тащили наши пушки уже по дорогам Латвии. Лето было сухое, солнечное, переходы не слишком утомительные. Заполненные мелкими заботами дни быстро летели, подгоняемые ветром войны.

В начале августа неожиданно пришлось задержаться. Стрелковый батальон, который поддерживали наши батареи, по планам командования должен был пройти по коридору между двумя озёрами удлинённой формы, почти параллельными друг другу. Расстояние между ними в самой узкой части не превышало полутора километров, и противник не преминул создать здесь сильно укреплённый рубеж, преодолеть который с ходу не удалось. Обходному движению с противоположных сторон озёр мешали непроходимые леса и болота. Без особого энтузиазма пехота закопалась в заболоченную землю, и артиллеристы расположились по разбросанным в окрестности хуторам. Наше дивизионное начальство и с ними Калашников облюбовали себе богатую усадьбу Залитов, брошенную хозяевами, сбежавшими вместе с немцами. Мы с Нестеровым тоже неплохо устроились в соседнем хуторе. Нам отвели отдельную комнату во втором этаже – под самой крышей. Ранее здесь помещались хозяйские сыновья Алфред и Густав. Во время оккупации они были мобилизованы в немецкую армию и где теперь находились было неизвестно. Хозяин хутора – пожилой, но ещё весьма крепкий латыш Рудзитис, с хитрым лицом и неожиданно молодыми озорными светло-голубыми глазами, был вдов, все домашнее хозяйство вела его свояченица Эверинь. Ей было лет тридцать пять и, похоже, она в основном следила не за хозяйством, а за своей внешностью. Она была худощава и невзрачна и старалась, по-видимому, компенсировать свой маленький рост за счёт высокой пышной причёски.

– Была у меня большая счастливая семья, а теперь остались мы вдвоём с Эверинь, – горестно вздыхая, произнёс хозяин, показывая нам с Нестеровым семейную фотографию. Он довольно свободно говорил по-русски, в противоположность Эверинь, которая совсем не знала русского, но зато хорошо владела немецким языком.

– Это ваши сыновья? Кто из них Густав и кто Алфред? – вежливо поинтересовался я.

– Тёмный – постарше – Алфред, а беленький – Густав, – пояснил хозяин. – Они погодки.

– А кто эта симпатичная девушка? – спросил Нестеров, указывая плохо вымытым пальцем на заинтересовавшую его молодую особу с толстыми светлыми косами.

– Моя дочь Вилда, – сдержанно ответил хозяин. Проявленный молодым офицером интерес к девушке на фотографии ему не понравился. – Время тревожное, так что она сейчас гостит у тётки, там, за лесом... – Хозяин неопределённо махнул рукой куда-то в пространство.

– Ну, под охраной наших пушек она была бы и здесь в полной безопасности, – хвастливо декларировал мой молодой компаньон.

– Пушки не лучшая защита для молодой девушки, – досадливо возразил хозяин.

Я поспешил с ним согласиться, и инцидент был исчерпан. В это время в горницу, где мы сидели, вошёл паренёк лет четырнадцати и доложил, что обед готов. Мы все перешли в большую комнату, служившую столовой, и там начали приобщаться к роскошества латышской кухни. Нас обслуживали паренёк по имени Михалис и пожилая толстушка – кухарка.

– Кто этот мальчик? – поинтересовался я.

– Парень без родителей, да и родных-то у него один дядя, сам старый никчёмный бобыль, который едва обеспечивает себе пропитание, — небрежно бросил хозяин.

Замечание хозяина, видимо, задело Михалиса: на его щеках вспыхнул румянец, губы задрожали. Но он проглотил обиду и ничего не ответил.

Когда вечером мы с Нестеровым укладывались спать на солидных кроватях со свежими простынями, в комнату зашёл Михалис спросить, не нужно ли нам чего-нибудь. Оказалось, что он свободно говорит по-русски.

– Как получилось, что ты так хорошо знаешь русский язык? – спросил я его.

– Мой дядя Улдис, которого хозяин назвал никчёмным бобылём, был женат на русской девушке, а я все время жил у них, пока не заявили немцы. Зато я и немецкий теперь знаю, только вот читать и писать не умею ни по-русски, ни по-немецки, ни по-латышски. В школу мне не пришлось ходить.

– Какой молодец! Значит, ты выучил три языка на слух, – похвалил я его. – У тебя, несомненно, большие способности, – добавил я, разглядывая смышлёную физиономию парня, озарившуюся от неожиданной похвалы радостной улыбкой.

– Это совсем не трудно, – смущённо засмеялся он.

– У нас в школах пять-шесть лет вдалбливают ученикам один из иностранных языков, а толку никакого: несколько простейших слов связать не могут. Я по своему опыту знаю, – захохотал Нестеров.

– Потише ты со своей самокритикой! – одёрнул я моего друга. – Твой дядя, судя по словам хозяина, живёт бедно? – спросил я мальчика. – Почему так получилось?

– Дядя Улдис замечательный человек! – с жаром воскликнул Михалис. – Во время русской революции он служил в латышской стрелковой дивизии, охранял Ленина. Здесь ему все время не давали хода, отбирали, что могли. Вот он и живёт на бесплодном болоте, а я батрачу.

– Советская власть отменит эту несправедливость! Твой дядя не будет больше голодать, а ты станешь учиться в школе, – многозначительно и уверенно, как несомненный и полный достоинства представитель Советской власти заявил я. Потом я дружески пожал руку Михалиса и он ушёл.

По привычке я проснулся очень рано. Нестеров вдохновенно сопел и похрапывал на своей роскошной кровати. Я тихо оделся и вышел в сад. Первые лучи солнца радужными искрами играли в капельках росы на траве. Начавшие наливаться яблочки показывали сквозь листву свои румяные бочка, соперничая с яркими кистями рябины. Чёрный скворец возмущённо начал выкрикивать что-то бранное по моему адресу. Я не обратил на него внимания и, проходя не торопясь от дерева к дереву, зашёл в дальний конец сада. Здесь стояло низенькое строенье, напоминающее баню.

«Хорошо бы попариться» – промелькнуло у меня смутное желание. Когда я подошёл поближе, густой храп, доносившийся из бани, показал, что она обитаема. Недолго думая, я толкнул дверь. На полу на охапке сена спали два здоровенных парня. Приглядевшись немного, я узнал в них сыновей хозяина, которых он показывал накануне на семейной фотографии.

Парни проснулись и в замешательстве вскочили. Одеты они были в немецкую форму, но всякого рода значки были сорваны.

– Алфред! – воскликнул я, подавая руку темноволосому парню. Тот нерешительно ответил на моё рукопожатие. – А ты Густав! – обратился я таким же образом к светлому брату, – Ничего не бойтесь. Русские вам друзья! Пойдёмте к вашему отцу.

– Отец ещё спит, возразил Алфред. – Давайте лучше посидим и поговорим.

Мы присели на скамейку возле строения, которое действительно оказалось баней, и коверкая и комбинируя русские, немецкие и латышские слова начали важный разговор. Братья бежали из немецкой армии, как только фронт подошёл к их родным местам. Сначала они скрывались в известных им убежищах по лесам, а теперь решились вернуться в свою усадьбу.

– Что с нами будет? – спросил Густав, – нас не расстреляют?

– У кого поднимется рука расстрелять таких молодцов? – засмеялся. – Война кончается, и вы будете строить новую свободную Латвию. У вас впереди долгая, интересная и весёлая жизнь.

– Каков будет наш статус, статус военнопленных? – допытывался Алфред.

– Какие же вы военнопленные! Вы советские граждане, освобождённые Красной Армией, – успокоил я братьев. – Впрочем, раз этот вопрос вас так глубоко волнует, мы попросим нашего комиссара дать вам дополнительные разъяснения.

Наконец, мы направились к дому и тут же наткнулись на хозяина, ошалевшего от неожиданности.

– Я привёл вам обоих ваших сыновей в целости и сохранности, – с апломбом и гордостью заявил я.

Я предполагал, что произойдёт умилительная сцена бурного проявления родительских чувств со стороны старого хозяина и столь же бурной радости блудных сыновей, вернувшихся под отеческий кров. Ничего подобного не последовало! Отец чувствительно ткнул Алфреда кулаком в плечо и шлёпнул Густава по мягкому месту чуть ниже спины. Сыновья стояли понурые, опустив головы и смущённо поглядывая на отца. Я всё понял: отец, хитрая лиса, несомненно, знал, кто укрывается в старой бане и моё вмешательство только спутало ему всю игру.

Так или иначе, но хозяин с обычным своим радушием пригласил нас завтракать. Я постарался растолковать ему, что скрывается его сыновьям по лесам да по баням неразумно. Кажется, он понял это и успокоился.

К концу завтрака появились новые гости. Неожиданно в столовую ввалились Немецкий и красивая светловолосая девушка с длинной косой, уложенной толстой змейёй на голове. Её щеки горели радостным румянцем, светло-серые глаза лукаво блестя. Девушка одета была в нарядное полотняное платье с причудливой вышивкой. Нестеров так и впился глазами в это чудо природы и прикладного искусства.

Хозяин, привстав со своего места с большим ножом для резки хлеба в руке, грозными глазами уставился на юную деву. Та ничуть не смутилась: подойдя ближе, она с ходу поцеловала безмолвного хозяина в плохо выбритую щеку, похлопала сидевшего рядом Густава по затылку и с достоинством «присела» передо мной и Нестеровым. Я быстро догадался, что такое «приседание» – нечто вроде реверанса, принятого в лучших домах Латвии и в свою очередь поклонился. Нестеров оказался менее сообразительным: подражая мне, он встал и сделал шаг вперёд, чтобы подать красавице руку, но зацепился за ножку стула, который с грохотом упал. Пока Нестеров в смущении его поднимал, девушка уже села, по-видимому, на своё привычное место.

– Вилда, откуда ты? Зачем ты явилась домой? – закричал обретший, наконец, дар речи хозяин.

– Мне надоело скитаться по тёткам. Зачем мне жить у чужих, когда у меня есть свой дом! – бойко ответила девушка. Было ясно, что она – любимица своего отца и ничуть его не боится. – Я встретила по дороге господина Комиссара и он мне объяснил, что нет никакой надобности скрываться и избегать советских солдат и офицеров. Никто меня не обидит!

Михалис стоял за моим стулом и переводил мне разговор отца с дочерью. Нестеров жадно ловил каждое слово, не сводя глаз с поразившей его воображение особы. Появление Немецкого меня не удивило: мой друг за два километра чувствовал, где можно вкусно поесть, а до усадьбы Залитов отсюда было не более восьмисот метров. Очевидно, по дороге он и подцепил молодую хозяйку.

Новоприбывшим дали положенную по уставу этого дома порцию котлет с гарниром и молока. Они быстро разделались с завтраком, и разговор снова вернулся к животрепещущей теме – неопределённости положения Алфреда и Густава и вообще перспектив будущей жизни. Вилда видела будущее даже не в оптимистичном розовом, а прямо-таки в красном свете.

– Ты всегда была коммунистка, – обрезал её Густав, когда она предалась мечтам вслух о том, как поедет в Ленинград учиться.

– Коммунисткой я не была – для этого нужен более твёрдый характер, а я, в конце концов, только легкомысленная и необразованная девушка. Но могу сказать в свою пользу, что русским я всегда сочувствовала, – кокетничая и с Немецким и с Нестеровым, ответила Вилда по-русски. – Во время немецкой оккупации я выучила русский язык – ведь это что-нибудь да значит, – обратилась она к Немецкому.

Тот подтвердил, что это почти героический подвиг и начал успокаивать хозяина по поводу судьбы его сыновей.

– Почему бы вам, Густав и Алфред, не пойти служить в Советскую Армию, – с некоторым ехидством предложила Вилда. – Вы сразу получите отпущение всех старых грехов, а когда кончится война – героями вернётесь домой.

Все опешили. Немецкий первый вышел из шокового состояния:

– Я берусь устроить ваших молодцов в медсанбат санитарями. Там им будет совершенно безопасно.

– Они будут выносить горшки за ранеными солдатами и мыть полы в больничных палатах, – фыркнула от смеха Вилда.

Братья от возмущения покраснели, вскочили со своих мест, и начался общий гвалт, сопровождаемый выразительными жестами. Когда шум немного утих, я примирительным тоном обратился к хозяину.

– Вчера вы сетовали на то, что ваша семья оказалась разбросанной, сегодня вы все вместе. Цените это и не омрачайте настроение беспокойством о будущем. Вы умный и дальновидный человек и в любой обстановке найдёте разумное решение, обеспечивающее благополучие вам и вашей семье. В таких сложных условиях, как сейчас, самое главное не терять спокойствия и не принимать опрометчивых решений. Никто не может предсказать, как развернутся события даже в ближайшие несколько дней. А что же говорить о более далёком будущем?

– Слушайте лейтенанта Новикова, он мудрый человек, – со смехом закричал Немыцкий.

Моя импровизированная философия при всей её примитивности понравилась хозяину. Он повеселел и по случаю сбора вместе всей семьи и именитых гостей приказал Эверинь достать бутылочку старого вина, которое было надёжно замаскировано в погребе. Алфред и Густав наперебой старались доказать, что по части выпивки они настоящие бравые вояки. Вилда завела интимный разговор с Немыцким, не обращая внимания на мрачного Нестерова, а я рассказывал хозяину и его свояченице героические истории о подвигах моих друзей. Хозяин посмеивался, не очень-то доверяя мне. Зато Михалис, затаив дыхание, с блестящими от возбуждения глазами, старался не проронить ни слова.

ГЛАВА XIII

Услышав о стрелке латышской красной дивизии, участвовавшем в годы революции в охране Смольного и видевшего Ленина, Немыцкий загорелся желанием с ним познакомиться. Мы попросили хозяина отпустить с нами Михалиса и пригласили Вилду и Нестерова пойти с нами.

– Вы будете разочарованы, – отказалась Вилда. – Дядя Улдис очень скучный и неразговорчивый человек. Я пыталась вытянуть из него рассказ о революции в Петрограде, но ничего не добилась.

Нестеров остался любезничать с Вилдой, которую он находил в жизни ещё более красивой, чем на фотографии, а мы отправились. Хутор дяди Улдиса находился примерно в двух километрах от усадьбы Рудзитисов, на берегу озера. По мере приближения к нему местность становилась все более заболоченной. Наконец, среди кустов заблестело озеро, а хутора все не было.

– Где же живёт твой дядя? – спросил я у нашего проводника.

– А вот в этом доме, мы уже пришли. – Мальчик показал рукой на полуразвалившееся каменное строение с низкой, заросшей мхом старой тесовой крышей. Я не обратил внимания на это подобие дома, приняв его за сарай.

– Дядя Улдис, ты дома? Я к тебе с гостями, – закричал Михалис.

Покосившаяся дверь дома открылась, и перед нами появился высокий, очень худой и костлявый старик. Заросшие седой щетиной щеки его продолговатого лица

ввалились, из открытого ворота сильно поношенной грубой рубахи торчала жилистая шея. Глаза дяди Улдиса смотрели из-под нависших бровей настороженно и как-то тоскливо, как у собаки, давно потерявшей своего хозяина и ожидающей от случайных прохожих лишь брани и пинков.

Поздоровавшись с хозяином, Немецкий сказал внушительно (он это умел):

– Мы пришли познакомиться с вами, дядя Улдис, как с участником Октябрьской Революции. В России высоко чтут и уважают латышских красных стрелков, честь им и слава!

Старик безнадежно махнул рукой:

– Не много дала мне эта слава! В Латвии и до прихода немцев на бывших красных стрелков сыпались всякие беды и несправедливости. А при немецкой оккупации я все время ждал, что отправят в концентрационный лагерь или пристрелят. Чуть завижу издали их солдат, сразу убежал в лес.

– Ну, к вам сюда не так просто добратся!

– Вот это и спасало, – Не очень охотно старик добавил: – заходите в дом!

Дядя Улдис открыл дверь, и мы вошли в единственную сумрачную комнату с двумя маленькими окнами и земляным полом. Это жилище было, конечно, лучше, чем привычные нам землянки, но очень запущено и грязно. В комнате находился небольшой грубо сколоченный стол, перед ним две табуретки и скамья, а в углу деревянная кровать, закрытая какой-то ветхой тряпкой, из-под которой торчали пучки поуистлевшей соломы.

– Когда-то здесь жила моя семья, – хозяин обвёл комнату рукой. – Тогда было не богато, но чисто и прибрано. А после смерти детей и жены все пришло в упадок.

– Вы хорошо говорите по-русски, – заметил я.

– Моя Тамара была из смешанной семьи: её мать была русская. Да и во время службы в Петрограде я все время говорил по-русски.

Мы присели к столу, на который хозяин поставил чугунок с неочищенной варёной картошкой. Михалис тайком передал своему дяде небольшой свёрток, в котором оказались куски хлеба. Мы с Немецким сделали вид, что не заметили этой махинации. Съев две картофелины, Немецкий хлопнул себя по колену:

– Я совсем забыл, что у меня кое-что имеется для закуски!

Я не удивился – мой друг отличался большой заботливостью по части съестных припасов. Из полевой сумки он извлёк банку рыбных консервов, которую тут же и открыл.

Дядя Улдис ел много и жадно, как человек, систематически живущий впроголодь. Когда все было съедено, он повеселел и сам стал рассказывать:

– Промелькнула Революция, как сон. Красные знамёна, шумные толпы людей на улицах, митинги. Наши стрелки в строю, с винтовками на плече, чётко печатают шаг по булыжным мостовым...

Вилда была не права, считая Улдиса скучным и неразвитым бедняком. Просто он не считал возможным делиться с ней своими мыслями и воспоминаниями. Она не нашла подхода к нему и сама была в этом виновата.

– Вам приходилось выступать на митингах? – спросил я.

– Неоднократно, – оживился старый стрелок. – Я любил произносить речи и меня хорошо слушали.

– Вы несли охрану на важных постах? – попробовал Немыцкий навести разговор на наиболее интересующую его тему.

– Всякое бывало, на малоответственные посты нас обычно не ставили.

– Приходилось ли вам видеть Ленина? – задал Немыцкий вопрос, вертевшийся у него на языке.

– Видел несколько раз, когда нёс службу в Смольном, а потом в Кремле и на митингах, но разговаривать с Лениным мне не приходилось, врать не стану.

Дядя Улдис помолчал, мы не торопили его.

– А потом здесь, в Латвии, вся жизнь ушла на то, чтобы не умереть с голоду. После отца мне достался небогатый участок. Вместе с женой мы с утра до ночи трудились, чтобы хоть что-то выросло. Начали болеть дети – пришлось взять в долг муки у старого Залита. За это он оттяпал себе лучшую часть земли, оставил мне болотистую часть моего надела. Дела шли все хуже и хуже; заболела жена, пришлось снова брать в долг, и тогда жадный Залит забрал единственную нашу корову. Потом все умерли, и я остался один.

Улдис скрестил на коленях жилистые загрубелые руки и сумрачно уставился глазами в какую-то точку на стене.

– Оказывается, ваш сосед Залит сволочь порядочная, – нарушил молчание Немыцкий. – Наш штаб стоит сейчас в его усадьбе, хозяин бежал с немцами. Мы вам вернём вашу корову, да и с продовольствием поможем!

– Не надо мне чужого! – мрачно отрезал старый бобыль. – Проживу как-нибудь и без ихнего добра. Участок мой никудышный, да кое-что дают лес и озеро.

– Вы хорошо знаете этот лес? – оживился Немыцкий, – Нет ли тут дороги вдоль озера?

Улдис внимательно посмотрел на нас. Видно он понял скрытый смысл вопроса.

– Есть старая зимняя дорога. Летом по ней не ездят – слишком сыро, но последнее время стояла солнечная погода и дорога просохла.

– А пушки по ней пройдут? – не утерпел я.

– Кое-где придётся подкладывать доски или бревна, а так что же — провезёте и пушки.

– Дядя Улдис, я не знаю ещё, как решит наше начальство, но можно ли было бы рассчитывать, что вы покажете нам лесную дорогу, если это понадобится? – спросил Немыцкий.

Хозяин не торопился соглашаться. Он продолжал смотреть на выбранную им точку на стене, вблизи которой уселась жирная синяя муха.

– Я покажу дорогу, я хорошо знаю лес, – восторженно закричал Михалис. Ему, конечно, уже мерещилось, как он совершает подвиг, выступая во главе отряда Советских бойцов.

– Стар я и слаб, чтобы снова воевать, но раз надо – покажу вам дорогу – согласился, наконец, хозяин без особого воодушевления.

Мы торжественно пожали ему руку и поспешили в штаб. Нас встретил Вохмянин. Выслушав наше сообщение о лесной дороге, он флегматично заметил:

– Стоит ли спешить? Немцы все равно скоро уйдут, а мы здесь хорошо прижились. Увидев возмущение на лице Немыцкого, он покорно добавил:

– Я доложу все начальству, пусть оно решает. Ведь надо ещё разработать план операции и согласовать его с командиром батальона и с более высокими инстанциями. На все это нужно время!

Как видно, никто не хотел особенно торопиться. На составление документации и всякие согласования ушло четыре дня. Немыцкий не зря потратил это время! С утра до вечера он вертелся на нашем хуторе, демонстрируя всевозможные знаки внимания к Вильде. Нестеров ходил с обиженным лицом, а все остальные потешались над влюблёнными Советскими офицерами. Прекрасная молодая хозяйка принимала ухаживание Немыцкого как должное, иной раз, когда он не в меру увлеклся, обрезала его – язычок у неё был достаточно остро отточен, а в общем роман подвигался успешно вперёд.

Наконец, командир дивизиона вызвал меня и Нестерова и приказал с двумя орудиями продвинуться по лесной дороге во фланг врага и заставить его бежать с укрепленных позиций. Мы должны были поддерживать пехотную группу с пулемётами и автоматчиками, но общее руководство всеми действиями было возложено на меня.

Гордый оказанным мне доверием, я отобрал два надёжных расчёта – Григорьева и Стрекалова, наиболее крепких лошадей и людей. После обеда, закончив все сборы, мы выступили в поход. На опушке леса нас ожидали дядя Улдис и Михалис – без них мы и не заметили бы слабо обозначенную просеку в старом сосновом лесу, которая не была нанесена на карту.

Наша колонна постепенно втянулась в лес. Кое-где приходилось вырубать кусты и старые пни, однако дорога оказалась гораздо лучше, чем можно было предполагать. Я и дядя Улдис шли во главе колонны. Огромные сосны шумели высоко над нашими головами. Прислушиваясь к голосам леса и преодолевая мелкие препятствия, мы продвигались с весьма приличной скоростью – около полутора километров в час.

Была пройдена уже половина пути. Мы вышли на продолговатую узкую поляну.

– Как вы думаете, дядя Улдис, почему противник нас не беспокоит? – обратился я к нашему проводнику. – Может быть, им неизвестна эта дорога?

– То, что знаю я, могут знать и другие, – возразил Улдис. – Видишь вон тот завал на дальнем конце поляны? Совсем недавно его не было. Нужно быть поосторожней!

Предостережение было сделано своевременно. Как только наши бойцы вышли на открытое место, из завала застрочили пулемёты и защёлкали одиночные выстрелы. Я приказал развернуть орудия и с ходу ударить по завалу. Пулемёты замолчали, однако пули продолжали посвистывать. Выстрелы слышались откуда-то сверху.

– Не иначе – снайперы на деревьях засели, – предположил подползший ко мне Стрекалов.

– А ну, ударим по ним картечью, – скомандовал я. Расстояние здесь небольшое – достанем.

Наши пушки сделали несколько выстрелов по окружающим деревьям. С них посыпались ветки, свалились два грузных тела, и стрельба прекратилась. Предполагая, что завал заминирован, я распорядился сделать по нему ещё несколько выстре-

лов фугасными снарядами. Грохнул взрыв и в воздух полетели стволы деревьев и столб грязи. Быстро растащив оставшиеся деревья, мы вышли снова на открытую дорогу. У нас оказалось двое убитых и много раненых. Пришлось отправить с ними в тыл санитарную повозку.

Воодушевлённые первым успехом, несмотря на потери, мы быстро преодолели ещё около километра. До выхода из леса по моим расчётам оставалось не более восьмисот метров. Характер леса изменился: окружающие нас сосны и ели были ещё совсем молодые и росли близко одна от другой, образуя по сторонам дороги непролазную чащу. В этом тёмном лесу в начинающихся сумерках тащить тяжёлые пушки было очень трудно. Вдруг впереди что-то засветлело.

– Неужели мы уже подходим к выходу из леса? – спросил Нестеров, который вместе с Немыцким подошёл ко мне в голову колонны.

Как-бы опровергая его слова, лёгкий ветерок донёс до нас запах гари и вскоре мы увидели на дороге новый завал, дымивший и газивший как огромный костёр, разложенный неумелым охотником в дождливую погоду. Языки пламени, прорываясь из середины, багровыми пятнами вырывали из темноты окружающего леса нижние ветви деревьев.

– Ну, с этим завалом мы справимся в два счета! – хвастливо заявил Нестеров.

– До чего же ты легкомысленное существо – огрызнулся Немыцкий. – Нам не хватало бы ещё пожара в этом непроходимом лесу.

Его слова оказались пророческими. Впереди нас вспыхнули несколько сосенок, стоящих вблизи дороги: по-видимому, солдаты противника предварительно полили их бензином. Они горели как факелы, освещая нашу колонну, и противник немедленно воспользовался этим: град мин посыпался на наши головы.

– Надо разрушить завал и предотвратить лесной пожар, – закричал я. – Бейте по завалу и по миномётчикам вдоль дороги! – скомандовал я Григорьеву и Стрекалову.

Началась беглая стрельба установленных прямо на дороге пушек. Миномётный огонь противника ослабел, но пожар все более и более расширялся. Казалось, огненная стена встала на нашем пути. Охваченные беспокойством мы били и били из пушек по завалу. Наконец, он был почти полностью размётан, и мне показалось, что по тёмной полоске дороги между огненными стенами горящего леса можно проскочить. Григорьев и Стрекалов поняли с полуслова мой замысел: орудия были мгновенно поставлены на передки. Я схватил под уздцы головную лошадь первого орудия, диким голосом закричал: «Впереди, за мной!» и побежал вдоль дороги. Вся наша колонна бегом приближалась к критической точке. До неё оставалось не более тридцати метров, как вдруг я почувствовал резкий удар по бедру правой ноги и оглушённый взрывом разорвавшейся рядом мины упал на краю дороги. Мимо меня, ничего не видя, разгорячённые боем, стремясь поскорее миновать полыхающий жаром и затянутый едким дымом участок дороги, промчались наши пушки и сопровождающие их бойцы. Я остался один.

Я попробовал отползти немного от пышущего жаром огромного костра, однако резкая боль в бедре заставила меня отказаться от этой попытки. «Надо перевязать ногу, иначе я истеку кровью» – пронеслась в затуманенной голове неясная мысль. Ощупав рану, я обнаружил торчащий из мякоти бедра осколок величиной со спичечную короб-

ку с острыми краями. Я попытался вытащить его, но от боли потерял сознание. Когда я очнулся, лесной пожар значительно усилился. Пламя множеством оранжевых ручейков хлопотливо растекалось по дымившим на земле веткам и сухой траве. Совсем недалеко от меня загорелась стройная сосна. Яркие цветные огоньки побежали по её веткам, перескакивая с одной на другую. Вдруг искры вихрем взметнулись вокруг неё в бешеной предсмертной пляске, и она вся превратилась в огненный столб. «Если она упадёт на меня, то я сгорю. Нужно отползти, во что бы то ни стало» – подумал я. Напрягая все силы я перевалился на левый бок, и цепляясь руками за траву и кочки прополз несколько метров. Грозившая мне гибелью сосна действительно упала, но к счастью поперёк дороги, в стороне от меня, только несколько дымящихся веток свалилось на моё незащищенное тело. Задыхаясь от дыма, с обгоревшим лицом и руками, полу-обезумевший от жары, я продолжал медленно ползти. Однако злое пламя догоняло меня. Тесно растущие сосны и ели загорались одна за другой, пламя бушевало как море. От едкого дыма и гари я не мог открыть глаза и задыхался. Я почувствовал, что снова теряю сознание. «Это конец!» – промелькнула последняя мысль, но в этот момент сильные руки подхватили меня и вынесли из заполненного дымом и пламенем ада.

– «Жив, Мишуха?» – спросил знакомый голос. Это была моя Маруся. Я не удивился её появлению: конечно, именно она должна была спасти меня. Лёжа на её руках, я прижался обожжённой щекой к её упругой груди, испытывая плохо осознанную радость от возможности вдохнуть свежий воздух.

Маруся отнесла меня подальше от огня и положила на траву. Открыв глаза я увидел склонившихся надо мной Немыцкого с забинтованным плечом и Михалиса. Осмотрев мою ногу, Немыцкий резким движением выдернул торчащий из неё осколок. Я вскрикнул от острой боли, а Маруся, которая готовила материал для перевязки, обозвала моего друга жестоким извергом. Ничуть не смутившись, Немыцкий положил осколок в карман гимнастёрки.

– Поправишься – верну тебе этот осколок, будешь хранить его как память о сегодняшнем бое. Между прочим, такой осколок, выдернутый из живого тела, предохраняет носящего его от новых ранений, – добавил Немыцкий, обращаясь к Марусе и Михалису.

Не берусь судить, поверила ли Маруся в волшебную силу осколка. Она принялась с помощью моих друзей за перевязку, и скоро я был готов к дальнейшему передвижению.

– Как ты оказалась здесь? – спросил я Марусю, с трудом шевеля запёкшимися губами.

– После того, как ты уехал из Заозерья, я и ещё несколько наших ребят пошли добровольцами в армию. Я прошла курсы медсестёр и попросилась в вашу часть. Наш медсанбат стоит совсем недалеко. Сердце моё чуяло, что ты попал в беду, и когда ваша санитарная повозка вернулась с ранеными, я побежала по вашим следам.

– И поспела как раз вовремя, чтобы спасти своего драгоценного Мишуху, да и меня вдобавок, – вмешался Немыцкий. – Впрочем, обо мне ты, конечно, не думала!

– Пора уходить, пожар приближается, – с беспокойством прервал его Михалис. – Я знаю здесь тропу, по которой мы быстро выйдем к озеру.

Маруся взяла меня на руки, и мы тронулись, в полной темноте, медленно передвигаясь за нашим маленьким проводником. Но вот стало чуть светлее, и мы вышли на берег озера, которое мирно плескалось у наших ног. Оставив нас, Михалис побежал

за лодкой. Приближалась гроза, далёкие ещё раскаты грома доносились откуда-то со стороны противника, напоминая скрежет зубов ненасытного чудовища, разозлённого тем, что ему не удалось нас сожрать. Все чаще и чаще молнии прочерчивали купол тёмного неба, освещая склонённые над водой ивы и смутную массу кустов на противоположном берегу озера. Неожиданно, словно где-то наверху прорвалась плотина, хлынул ливень. Мы сидели тесно прижавшись друг к другу под Марусиной плащ-палаткой. Сдуваемые ветром с листьев капельки приятно освежали воспалённое лицо.

* * *

Прошло несколько дней, мы с Немецким – с заштопанными ранами лежали в одной из комнат усадьбы Залитов, в которой разместился госпиталь. Маруся все свободное время проводила у нас. Обычно она сидела возле моей постели и смотрела на меня своими глубокими, как её родное озеро, глазами, которые казались мне огромными. В её взоре было столько любви и нежности, что мне становилось страшно: а вдруг все это предназначено не мне, легкомысленному и арапистому лейтенанту, а кому-то другому, кто более заслужил её привязанность. Часто заходили к нам Вилда и Нина Прокина, и когда все три девушки собирались вместе и принимались щебетать, в палате становилось шумно и весело.

– Я завидую тебе, Маруся, – говорила Нина. – Испытать такое сильное, всепоглощающее чувство дано не каждой женщине. Ты счастлива?

– Да, я счастливая, – смущённо улыбаясь отвечала Маруся. – Мне больше ничего не надо, только сидеть здесь.

Как-то утром Вилда принесла свежую новость: вернулся домой сын хозяина усадьбы. Старый Залит на своей личной машине, в суматохе отступления немецкой армии попал в аварию и погиб. Остальные члены семьи отделавшись ушибами, более или менее серьёзными, остались у родственников.

– Вот уж истинно говорят: каждый человек, сам не зная того, устремляется навстречу своей судьбе, – назидательно изрекла Вилда, заканчивая свой рассказ.

– Чрезвычайно глубокая философская мысль, – обрадовался поводу пошутить Немецкий. – Когда мы с тобой поженимся, я напишу это изречение на большом плакате, и мы его повесим в нашей спальне!

Вилда с шутивным возмущением шлёпнула влюблённого капитана по округлому брюшку, выступающему под одеялом.

По утрам Маруся приходила к нам делать уколы. Она относилась к этой операции со всей ответственностью и проявляла в своих действиях непреклонный педантизм. Надо сознаться, рука у неё была тяжёлая, однако мы безропотно терпели, не смея пикнуть, и даже изображали на лицах подобие счастливой улыбки. Только Немецкий, лёжа на животе, хитро поглядывал на меня одним глазом.

Он был и остался большим насмешником, мой друг Немецкий!

Подписано в печать 17.04.2015
Формат 70x100/16. Заказ № 17. Тираж 300 экз. П. л. 4,75
Отпечатано в РИИС ФИАН
119991 Москва, Ленинский проспект, 53. Тел. 499 783 3640